

СВЯТЫЕ ОТЦЫ ЦЕРКВИ
И ЦЕРКОВНЫЕ ПИСАТЕЛИ
В ТРУДАХ ПРАВОСЛАВНЫХ
УЧЕНЫХ

Святитель
ГРИГОРИЙ БОГОСЛОВ

Святые отцы Церкви и церковные
писатели в трудах православных ученых

Коллектив авторов

Святитель Григорий Богослов

«Сибирская Благовонница»

Коллектив авторов

Святитель Григорий Богослов / Коллектив авторов —
«Сибирская Благовонница», — (Святые отцы Церкви и
церковные писатели в трудах православных ученых)

Предлагаемая читателю книга открывает собой серию «Святые отцы Церкви и церковные писатели в трудах православных ученых». Эта серия задумывалась как приложение к изданию «Полное собрание творений отцов Церкви и церковных писателей в русском переводе» (ПСТСО). Первая книга новой серии посвящена святителю Григорию Богослову и соответственно является приложением к первому и второму томам ПСТСО. В ее состав вошли 12 работ о святителе Григории Богослове, в частности таких дореволюционных авторов (XIX – начала XX века), как архимандрит Порфирий (Попов), Н.И. Барсов, Н. Фетисов и других. В исследованиях освещена личность великого каппадокийца с разных сторон: в них рассказывается о различных этапах жизни святителя Григория, причинах именования Богословом, о его нравственно-аскетическом учении, проповедничестве, пастырстве, поэтическом творчестве и т. п. Новая серия представляет ценность не только для специалистов в области богословия и студентов богословских учебных заведений, но и для всех читателей, ищущих духовного назидания.

Содержание

А. И. Сидоров. Предисловие к серии «Святые отцы Церкви и церковные писатели в трудах православных ученых»	5
Архимандрит Порфирий (Попов)	7
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Коллектив авторов Святитель Григорий Богослов. Сборник статей

А. И. Сидоров. Предисловие к серии «Святые отцы Церкви и церковные писатели в трудах православных ученых»

Предлагаемая читателю книга открывает собой новую серию – Приложение к изданию «Полное собрание творений святых отцов Церкви и церковных писателей в русском переводе» (ПСТСО).

Начавшая выходить в свет в 2007 году серия «Полное собрание творений святых отцов Церкви и церковных писателей в русском переводе» (Издательство «Сибирская Благозвонница»), как и предшествующие две аналогичные серии «Святоотеческое наследие» (Издательство «Мартис») и «Библиотека отцов и учителей Церкви» (Издательство «Паломник»), имеет своей основной целью возрождение и продолжение богатой традиции русских переводов святоотеческих творений. Главной и существенной чертой этой традиции являлась ее глубинная церковность. Как и любые переводы, русские переводы сочинений отцов Церкви, осуществленные в XIX – начале XX веков, разнились между собой и по качеству, и по личностным особенностям отдельных переводчиков (часто – безымянных). Но всех их объединяло то, что создавались они людьми воцерковленными и не мыслящими свою жизнь вне Церкви. С сугубо филологической точки зрения к ним порой можно предъявить ряд претензий, однако следует всегда помнить ту элементарную истину, что есть буква перевода, а есть и дух его. Филологически буквальная точность может иногда серьезным образом исказить смысл оригинала, если перевод какого-либо святоотеческого текста осуществляется людьми нецерковными, ибо дух такого текста ускользает от них. Хотелось бы напомнить, что святоотеческие творения представляют собой средоточие Священного Предания. И как нет Священного Писания вне Церкви, поскольку «только Церковь дает смысл существованию Писания»¹, так нет вне Церкви и Священного Предания, то есть творений святых отцов, поскольку Дух Божий вне Тела Христова не живет. Без этого же Духа произведения отцов Церкви становятся мертвой буквой – безжизненной плотью, от которой душа уже отлетела. Они превращаются в сочинения неких «мыслителей», интеллектуальные изыски которых делаются уделом тех мертвых, которые хоронят *своих мертвецов* (Мф. 8:22)...

Помимо собственно переводов, жизнь святоотеческого Предания в Русской Православной Церкви проявлялась и в богословском и церковно-историческом осмыслении этого Предания. Оно осуществлялось на различных уровнях: на уровне фундаментальном и строго научном и на уровне более популярном и общедоступном. Русская патрологическая и церковно-историческая наука к началу XX века, впитав в себя лучшие плоды технических методов западной науки (в первую очередь – опыт работы с источниками и их анализа), не только сравнялась с нею, но во многом и превзошла ее. И превосходство русской богословской науки заключалось главным образом в органичной и живой связи с церковным Преданием – той связи, которую чем дальше, тем больше разрывала не только протестантская, но и католическая наука. Следует констатировать, что и в той, и в другой еще сохранялась (и сохраняется

¹ Священномученик Иларион (Троицкий). Творения. Т. 2. М., 2004. С. 154.

доныне) на высоком уровне «технология» научного поиска, но духовный смысл такого поиска практически уже утерян. Смысл же этот обретается только в Православной Церкви и в ясном осознании того, что богословская наука не является целью сама по себе, так как она есть лишь одно из многих средств, служащих для достижения единственной цели христианской жизни – спасения. Большинство русских православных ученых обладали таким (пусть порой и подспудным) осознанием, и некоторые из них засвидетельствовали это не только своей жизнью, но и славной кончиной. Яркий пример тому – Иван Васильевич Попов (мученик Иоанн). Подобное соблюдение духовного смысла научного поиска нисколько не препятствовало русским православным ученым быть искусными и в «технологии» этого поиска. Фундаментальные труды того же И. В. Попова, Н. И. Сагарды, Н. Н. Глубоковского, В. В. Болотова, И. И. Соколова и многих других красноречиво говорят об этом.

И в наше время, когда происходит стремительная дехристианизация Европы, а вместе с ней – глубокий упадок западной богословской науки, уже во многом выродившейся и превратившейся в пустую (хотя часто и очень изысканную) «игру в бисер», именно наша патрологическая, церковно-историческая и вообще богословская наука XIX – начала XX веков должна служить ориентиром как для нового поколения православных ученых, так и для всех православных читателей, желающих постигнуть духовную суть Православного Предания.

Поэтому серия «Полное собрание творений святых отцов Церкви и церковных писателей в русском переводе» включает в себя и приложения, где публикуются монографии и статьи наших дореволюционных и современных ученых. В частности, в первых двух томах серии опубликованы труды священника Николая Виноградова «Догматическое учение святого Григория Богослова» и А. В. Говорова «Святой Григорий Богослов как христианский поэт»; в следующих двух томах в приложениях появилось несколько статей, посвященных жизни и богословскому мирозерцанию свт. Василия Великого и свт. Амфилохия Иконийского. Однако данные работы не исчерпывают всего многообразия осмысления творчества отдельных отцов Церкви в русской церковной науке. Вследствие чего решено дополнительно издать небольшую серию «Святые отцы Церкви и церковные писатели в трудах православных ученых». Предшественницей ее в некотором смысле была серия «Святые отцы и учителя Церкви в исследованиях православных ученых», выходившая в издательстве «Паломник», где появилось пять томов ее. Данную серию во многом продолжила «Библиотека христианской мысли», имеющая, правда, более широкий и пестрый характер, которую осуществляет издательство Олега Абышко. Но обе серии ориентированы преимущественно на исследования фундаментального характера, а начинающаяся серия предполагает издание работ более популярного жанра, большинство из которых выходило в различных дореволюционных церковных журналах. Впрочем, в состав серии войдут работы не только дореволюционных русских православных ученых, но и современных отечественных богословов и патрологов, а также переводы работ зарубежных православных авторов.

Каждая из книг предполагаемой серии будет посвящена одному из патристических авторов, чьи творения вышли в ПСТСО. Данный том включает исследования о свт. Григории Богослове. Характерной чертой серии «Святые отцы Церкви и церковные писатели в трудах православных ученых» в целом и настоящего тома в частности является то, что многочисленные ссылки на творения святых отцов Церкви в издаваемых работах, а также ссылки на работы священника Н. Виноградова «Догматическое учение св. Григория Богослова» и А. В. Говорова «Св. Григорий как христианский поэт» приводятся в соответствии со страницами издания ПСТСО.

Надеемся, что новая серия найдет благожелательный отклик у православных читателей.

А. И. Сидоров

Архимандрит Порфирий (Попов) Жизнь святого Григория Богослова²

Глава I

Обращение отца Григориева в христианство. – Видение Нонны о рождении сына. – Обет ее за сына. Чистота и Целомудрие, явившиеся Григорию во сне. – Первоначальное образование Григория. – Буря во время путешествия в Афины. – Знакомство здесь с Василием Великим и Юлианом Богоотступником. – Прощание с Афинами. – Встреча с братом Кесарием на пути оттуда

В 325 году по Р. Х. несколько каппадокийских епископов, отправляясь на Первый Вселенский собор, остановились ненадолго в местечке Арианзе, близ Назианза. Здесь мирно и спокойно в своем поместье проводил свою скромную жизнь один почтенный человек из секты ипсистериев, по имени Григорий. Благочестивая супруга его Нонна успела предрасположить его в пользу христианства. Прибывши сюда, епископы воспользовались этим случаем и убедили Григория принять Святое Крещение³.

² Печатается по: Архимандрит Порфирий (Попов). Жизнь святого Григория Богослова. М., 1864. Ссылки на страницы творений свт. Григория Богослова приводятся по изданию: Святитель Григорий Богослов, Архиепископ Константинопольский. Творения: В 2 т. М.: Сибирская Благозвонница, 2007. (Полное собрание творений святых отцов Церкви и церковных писателей в русском переводе; т. 1, 2). (Далее в сборнике – *Свт. Григорий Богослов. Творения*). – Ред.

³ См.: Надгробное слово отцу Григория (*Свт. Григорий Богослов. Слово 18 // Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 1. С. 223–245. – Ред.*). Вот более подробные сведения, какие передает Григорий о своих родителях то в надгробных словах им, то в стихотворениях своих. «Отец мой был прекрасный, весьма добрый старец, простой нравом, истинный патриарх, второй Авраам; он был отраслью корня, который составил из двух противоположностей – из языческого заблуждения и подзаконного мудрования, то есть принадлежал к секте ипсистериев, которые, почитая единого Вседержителя, отвергая плоды и жертвы, поклонялись огню и светильникам и, уважая субботу и до мелочи соблюдая постановления о животных, не принимали обрезания» (см.: *Свт. Григорий Богослов. Слово 18 // Творения. Т. 1. С. 225; Он же. Стихотворение*, в котором святой Григорий пересказывает жизнь свою // Там же. Т. 2. С. 197). Впрочем, и до обращения в христианство отец Григория известен был многими добрыми душевными качествами. В язычестве он столько отличался целомудрием, что был вместе и весьма любезным, и самым скромным, а при этом показывал и добровольную покорность жене; правдивость его была так велика, что, проходя первые должности в государстве, не приумножил своего имения ни одной драхмой, хотя другие, как известно, пухли от гнусных поборов (см.: *Свт. Григорий Богослов. Слово 18 // Там же. Т. 1. С. 225*). Мать Григория Нонна, происходя от благочестивых родителей, сначала превосходила своего супруга благочестием и по телу только была женщина, а по нравам превышала мужчин (см.: Там же. Т. 1. С. 225; Т. 2. С. 197). «Думаю, – говорит Григорий Богослов, – что если бы кто, ища для себя совершеннейшего супружества, обошел все концы земли и весь род человеческий, то не нашел бы лучшего и согласнейшего. В нем так соединились все превосходные мужские и женские качества», что брак по всей справедливости можно было назвать «союзом добродетели» (Там же. Т. 1. С. 225). Одни из жен обыкновенно отличаются бережливостью, а другие благочестием, но мать Григория превосходила всех тем и другим и в каждом достигла верха совершенства. Попечительностью и неусыпностью она так умножила все в доме, как бы вовсе не знала благочестия. Но и столько была усердна к Богу и ко всему Божественному, что как бы не занималась домашними делами. Умея приобретать нужные стяжания, она умела и благотворить, и в ней так было непомерно желание раздавать милостыню (а раздача сия лежала на ее руках), что если бы позволили ей черпать из Атлантического или другого обширнейшего моря, и того бы ей не достало. Все имущество, какое было в ее доме, она почитала скудным для дел благотворения и неоднократно говаривала, что, если бы можно было, в пользу нищих отдала бы себя и детей. Кроме сего, она более всех в то время оказывала уважение руке и лицу священников. В ней нельзя не признать важным и того, что «никогда не обращала хребта к досточтимой трапезе, не плевала на пол в Божием храме; встретясь с язычницей, никогда не слагала руки с рукой, не прикасалась устами к устам, хотя бы встретившаяся отличалась скромностью и была из самых близких; со вкушавшими нечистой трапезы не только добровольно, но и по принуждению не разделяла соли» (*Свт. Григорий Богослов. Слово 18 // Там же. Т. 1. С. 227*). Еще удивительнее то, что она хотя сильно поражалась горестями, даже чужими, однако же никогда не предавалась плотскому плачу до того, чтобы скорбный глас исторгся прежде благодарения или чтобы при наступлении светлого праздника оставалась на ней печальная одежда. Иноеверие супруга так было тяжело для ее сердца, что она день и ночь припадала к Богу, в посте и со многими слезами просила у Него даровать спасение мужу ее. Кроме молитвы и собственной ревности о благочестии, для обращения его на путь истины она употребляла и другие доступные средства:

Спустя пять лет после сего в одну темную ночь Нонне привиделся сон, что будто у нее родилось прекрасное, ангелоподобное дитя и что его называли по имени отца, Григорием. Это видение было ответом на молитву Нонны о даровании ей сына; при этом, подобно матери Самуиловой (см. 1 Цар. 1:11), она произнесла обет посвятить испрашиваемого сына Богу и, когда удостоилась исполнения своей молитвы, с особенной ревностью озаботилась и исполнением обета. Этот-то сын молитвы материнской и получил впоследствии наименование Григория Богослова. Как скоро сын сделался способным понимать наставления, Нонна, обнимая его, сказала ему, что она так же предает его Богу, как Авраам Исаака, умоляла его во все время жизни сообразоваться с ее святым желанием и всего более внушала ему заниматься чтением Священного Писания, для чего еще в детстве подарила ему свиток Священного Писания.

В это время «мое нежное сердце», говорит Григорий, было подобно недавно ссидшемуся творогу, «который скоро принимает вид сосуда»⁴. А потому материнские наставления так сильно подействовали на сердце Григория, что он еще в детстве обнаруживал какую-то старческую степенность и порывы к подвигам благочестия; мало-помалу, как облако к облаку, скоплялось в нем усердие к усовершенствованию, с радостью читал он книги, в которых проповедуется о Боге, и имел обращение с мужами, которые совершенны по нравам⁵. Христос «явно беседовал с рабом Своим» и, когда Григорий достиг лет отроческих, связал его «любовью к целомудрию, обуздал... плоть, вдохнул... горячую любовь к Божественной мудрости и к жизни монашеской»⁶. Душа Григория была так чиста, безмятежна и возвышенна в созерцаниях, что и во сне предносились пред духовными его очами христианские добродетели в олицетворенном

упреки и увещания, услуги и отлучение; при всем этом понимала, что ей надобно, как воде, пробивать камень, непрестанно падая на него по капле, и от времени ожидать успеха; наконец одно сновидение мужа представило ей прекрасный случай к его обращению в христианство. «Отцу моему представилось, – говорит Григорий, – будто бы поет он следующий стих Давида: *возвеселихся о реках моих: в дом Господень пойдем*» (Там же. С. 228). Мать объяснила сновидение в самую добрую сторону, и он вскоре согласился принять крещение. Во время крещения, когда выходил из воды, осиял Григория необыкновенный свет, виденный и многими из присутствовавших, особенно же теми, кто крестил и миропомазывал его. Чрез несколько времени Григорий был посвящен в пресвитера, а вскоре и в епископа. Несмотря на то что его пасомые были подобны пажити, заросшей лесом и одичавшей, он без труда умягчил их нравы как благоразумными пастырскими наставлениями, так и тем, что себя самого предлагал в образец всякого превосходного дела. Желая внушить усердие к богослужению, он пожертвовал часть денег на построение такого храма (см.: Там же. С. 243), лучше которого и нельзя было желать назиданиям. После посвящения в епископа в сострадательности и щедрости к нищим Григорий нисколько не уступал супруге, а в то же время отличался и глубоким смирением, но смирение выражал не согбением выи, не понижением голоса, не наклонением вниз лица, не походкой, но признанием своего недостойнства пред Богом. В незлобии он мог равняться с архидиаконом Стефаном: у него не было промежутка времени между выговором и прощением, так что скоростью помилования почти всегда закрывалось огорчение, какое соединялось с его выговором (см.: Там же. С. 234). В числе угроз бывали колеса и бичи, являлись и исполнители наказания, бывала опасность пожатия ушей, удара в щеку, поражения в челюсть, но этим и прекращалась угроза. Роса долее удерживает солнечный луч, падающий на нее утром, чем в нем удерживался какой-либо остаток гнева. Да ему не нужно было и раздражаться, потому что он был страшен для оскорбителей и одним своим благочестием. Не произносил он ни одного слова молитвенного или клятвенного, за которым бы не последовали тотчас или долговременное благо, или временная скорбь. Многих из огорчивших его постигало в скором времени явное Божие наказание: иных бросали вверх волны, сдавленные ярмом, других повергали на землю и топтали кони, дотоле самые покорные и смиренные, а некоторых постигала сильная горячка и мучили мечтания о собственных проступках. При частых болезненных припадках Григорий искал утешения и подкрепления только в молитве и в совершении литургии, и, что особенно удивляло всех знавших его тогда, этим средством в праздник Пасхи он излечился от такой болезни, которой окончания нисколько нельзя было ожидать в скором времени. В царствование Юлиана он так открыто и безбоязненно противодействовал коварным замыслам богоотступника, как это можно представить только в жарком ревнителе веры и благочестия (см.: *Свт. Григорий Богослов. Слово 18 // Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 1. С. 239*). Что касается до умственных его качеств, то хотя и поздно начал он учиться Слову Божию, но, занявшись им со всем усердием, в непродолжительном времени приобрел столько мудрости, что соделался учителем Православия (см.: Там же. С. 230), отцом и пастырем пастырей и даже какую-то мощью пастырей. Не перечисляя других достоинств своих родителей, св. Григорий в похвальном Слове им дозволил себе сделать такое обращение к слушателям: «Всем вам известны мои родители, видимы и слышимы их добродетели, вы подражаете и удивляетесь им, а незнающим, если есть таковые, рассказываете, избирая для сего один то, другой другое, да и невозможно было бы одному пересказать обо всем. Такое дело, сколько бы кто ни был неутомим и ревностен, требует не одного языка» (*Свт. Григорий Богослов. Слово 7 // Там же. С. 137*).

⁴ *Свт. Григорий Богослов. Плач. О страданиях души своей // Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 2. С. 300.*

⁵ См.: *Свт. Григорий Богослов. Стихотворение, в котором святой Григорий пересказывает жизнь свою // Там же. С. 198.*

⁶ *Свт. Григорий Богослов. Стихи о самом себе // Там же. С. 188.*

виде. «Так, когда я был еще юным отроком, – говорит Григорий, – среди глубокого сна мне представлялось, что подле меня стоят две девы в белых одеждах, обе прекрасные и одинаковых лет. Все убранство их состояло в том, что они не имели на себе уборов. Пояс стягивал их прекрасную одежду, спускавшуюся на ноги до пят. Головное покрывало закрывало их ланиты, и они стояли, поникнув взорами к земле. Но из-под покрывал, плотно прилежавших к лицу, можно было приметить, что обеих украшал прекрасный румянец стыдливости. Уста их, заключенные молчанием, уподоблялись розе, лежащей в окропленных росой чашечках. Они полюбили меня за то, что я с удовольствием смотрел на них; как милого сына, целовали меня своими устами и на вопрос мой, что они за женщины и откуда, отвечали: „Одна из нас – Чистота, а другая – Целомудрие. Мы предстоим Царю Христу и наслаждаемся красотами небесных девственников. Соедини и ты ум твой с нашими сердцами и светильник твой с нашими светильниками, и мы тебя, просветленного, перенесем через эфирные высоты, поставим пред сиянием бессмертной Троицы“. Сказав сие, они унеслись по эфиру, и взор мой следовал за отлетавшими»⁷. Этот сон решительно и навсегда побудил Григория отринуть тяжелое иго супружества и возлюбить высокий жребий вечно юных существ, то есть Ангелов; и в летах мужества сердце Григория, по его собственным словам, долго и часто наслаждалось досточтимыми видениями этой незабвенной ночи и обликами светлой девственности. Но в отрочестве же, когда еще не опушились ланиты Григория, им овладела какая-то пламенная любовь к наукам⁸. Через это Промысл, видимо, приготавливал его к высокому служению в Церкви, для которого недостаточно было того образования, какое он мог найти в доме родительском или в сообществе людей, заботившихся только о спасении своей души, но незнакомых с духом научного образования. Со светскими науками Григорий прежде всего ознакомился в Кесарии Каппадокийской, но долго ли он обучался здесь, неизвестно; в сочинениях Григория есть указание только на то, что он здесь же положил начало знакомству с Василием Великим⁹. После сего, побывав наперед на родине, он отправился в Кесарию Палестинскую, где также процветало училище красноречия¹⁰ и где слушал ритор Феспесия. Затем он собрал несколько сведений в Александрии¹¹ и отсюда, движимый пламенной любовью к приобретению познаний, отправился в Афины в ноябре месяце, во время, самое опасное для плавания по морю. Когда огибали остров Кипр, поднялась страшная буря и двадцать дней держала всех плывших в чрезмерном страхе и опасении за свою жизнь. При этом и корабельные служители, и хозяева корабля, и путешественники – все, даже не знавшие прежде Бога, единогласно призывали Христа для избавления от смерти обыкновенной. Но для Григория еще ужаснее была смерть внутренняя; в этом поставлял он главным образом свое несчастье и потому терзал свою одежду и возносил вопли, заглушавшие сильный шум волн; он плакал и скорбел в это время всего более о том, что убийственные воды лишали вод очистительных, без которых он не надеялся на соединение с Богом. В пламенной молитве ко Христу, исчислив все чудеса Божий, описанные в священных книгах, Григорий произносил и такие исполненные сильной веры слова: «Для Тебя, Господи, буду я жить, если избегну сугубой опасности. Ты утратишь Своего служителя, если не спасешь меня. И теперь ученик Твой обуревается волнами. Отряси сон или приди по водам и прекрати опасность»¹². Вскоре за сим последовало исполнение прошения. Волны морские стали укрощаться, и корабль пристал к Родосу. Это быстрое укрощение бури все бывшие с Григорием на корабле сочли

⁷ Ср.: *Свт. Григорий Богослов*. Плач. О страданиях души своей // Там же. С. 300–301.

⁸ См.: *Свт. Григорий Богослов*. Стихотворение, в котором святой Григорий пересказывает жизнь свою // *Свт. Григорий Богослов*. Творения. Т. 2. С. 198.

⁹ См.: *Свт. Григорий Богослов*. Слово 43 // Там же. Т. 1. С. 510.

¹⁰ См.: *Свт. Григорий Богослов*. Слово 7 // Там же. С. 137.

¹¹ См.: *Свт. Григорий Богослов*. Стихотворение, в котором святой Григорий пересказывает жизнь свою // Там же. Т. 2. С. 207.

¹² Ср.: Там же. С. 200.

приобретением одной молитвы Григориевой, и те из них, которые были язычниками, по этому случаю приняли христианство. Впоследствии Григорий узнал, что он избавлен от опасности и по молитвам своих родителей, которые извещены были о его бедствии чрез сновидение и которые при воспоминании сновидения также усердно молили Господа об избавлении их сына.

Из Родоса, где на несколько времени остановился корабль, Григорий вскоре прибыл в Афины и здесь около шести лет посещал афинские училища, особенно слушал уроки лучших учителей того времени – Имерия и Проэресия; красноречие последнего он называл новым громом в Аттике. Но Афинам Григорий остался благодарен не столько за науки, сколько за утверждение дружества с Василием. «Афины, обитель наук, – говорит он, – как для кого, а для меня подлинно золотые и доставили мне много доброго. Они совершеннее ознакомили меня с сим мужем, который один и жизнью и словом всех был выше. Ища познаний, обрел я счастье, испытав на себе то же, что Саул; Саул, ища отцовых ослов, нашел царство, так что придаточное к делу вышло важнее самого дела (см. 1 Цар. 9-10). Нечто подобное было и со мною»¹³. Неразлучно проводя время с этим другом и разделяя с ним все печали и радости, Григорий, по собственным его словам, жил здесь, как и всегда, в Божием страхе и не только не увлекался за теми, которые в порывах отважной стремительности предавались излишествам, но сам привлекал друзей к духовному совершенству¹⁴. Опыт быстрого и верного различения добрых товарищей от худых, но притворных представляет суждение его о Юлиане Отступнике¹⁵, который в это время также брал уроки философии и красноречия у афинских софистов. «По мне не предвещали, – говорит Григорий, – ничего доброго шея нетвердая, плечи движущиеся и выравнивающиеся, глаза беглые, наглые и свирепые, ноги, не стоящие твердо, но сгибающиеся, нос, выражающий дерзость и презрительность, черты лица смешные и то же выражающие, смех громкий и неумеренный, наклонение и откидывание назад головы без всякой причины, речь медленная и прерывистая, вопросы беспорядочные и несвязные, ответы ничем не лучшие, не твердые и не подчиненные правилам. И я тогда же, как увидел его, сказал бывшим со мной: „Какое зло воспитывает Римская империя!“»¹⁶ Предрекши это, Григорий желал быть ложным прорицателем, но, к сожалению, увидел впоследствии оправдание своего предсказания¹⁷.

Несмотря на строгость жизни Григория и разборчивость в знакомствах, даже и легкомысленные и разгульные товарищи весьма любили и почитали его¹⁸. Это особенно обнаружилось при отправлении его из Афин. Когда наступил тридцатый год жизни, Григорий решился возвратиться в отечество вместе с Василием. Того и другого стали упрашивать остаться в Афинах. Василий представил много причин, требовавших скорого отъезда. Но для Григория к заклинаниям и слезам присоединили даже и насилие. С великой поспешностью окружили его все чужеземцы, близкие знакомые, сверстники и даже учителя. Крепко схватив его за одежду и за руки, они сказали: «Что ни будет, не выпустим отсюда. Почтенные Афины не должны лишиться тебя. Они по общему приговору отдадут тебе первенство в словесности». Припоминая все это уже в глубокой старости, св. Григорий замечает: «...один дуб разве мог противиться стольким слезам и убеждениям, и я уступил просьбе, впрочем не совершенно. Меня влекло к себе отечество... Там посвятить себя любомудрию казалось мне прекраснейшим делом. Туда привлекали меня и родители, обремененные старостью и временем. Поэтому не долго пробыл я в

¹³ Ср.: *Свт. Григорий Богослов*. Слово 43 // Там же. Т. 1. С. 517.

¹⁴ См.: *Свт. Григорий Богослов*. Стихотворение, в котором святой Григорий пересказывает жизнь свою // Там же. Т. 2. С. 200.

¹⁵ Юлиан Отступник (331–363) – римский император в 361–363 гг. Получил христианское воспитание, но, став императором, объявил себя сторонником языческой религии; издал эдикты против христиан. – *Ред.*

¹⁶ Ср.: *Свт. Григорий Богослов*. Слово 5 // *Свт. Григорий Богослов*. Творения. Т. 1. С. 116.

¹⁷ Из этого отзыва св. Григория о Юлиане можно видеть и то, что, по его мнению, наука, известная под именем физиогномики, не есть плод одного суеверия, но имеет для себя и довольно твердые основания.

¹⁸ См.: *Свт. Григорий Богослов*. Слово 43 // *Свт. Григорий Богослов*. Творения. Т. 1. С. 522.

Афинах, скрылся оттуда почти тайно и пустился в путь»¹⁹. Здесь Григорий неожиданно встретился с братом своим Кесарием, который возвращался из Александрии, и тем более радовался этой встрече, что считал ее не случайным стечением обстоятельств, но особенным действием Промысла. «Мать, отпуская детей своих, усердно молила Бога о том, чтобы Он так же в одно время возвратил нас, как в одно время мы отправились, хотя и в разные города и школы»²⁰. И ее молитва была услышана.

Глава II

Общий взгляд на скорби Григория. – Колебания в избрании образа жизни. – Воспоминания о посещении пустыни Понтийской. – Причина удаления в пустыню Василию после посвящения в пресвитера. – Возвращение в Назианз к Пасхе по требованию отца. – Прием, сделанный ему, и слова, произнесенные им по возвращении. – Заботы Григория об утешении отца при отделении от него некоторых пасомых по поводу неблагоприятных толков о брате Кесарии. – Значение обличительных слов Григория против Юлиана. – Заботливость Григория о примирении Василия с епископом Кесарийским. – Письмо его по сему случаю к Евсевию. – Помощь Василию в борьбе с арианами. – Огорчение Григория по случаю смерти Кесария. – Побуждения к произнесению надгробных Слов ему и сестре Горгонии. – Ответ Василию на его приглашения в Кесарию. – Болезнь Нонны. – Посещение Василия после его рукоположения в епископа и защита его по возвращении в Назианз. – Содействие отцу и Василию в борьбе с арианами

Жизнь Григория Богослова, следующая за периодом образования, есть не что иное, как история его несчастий; по крайней мере, так называет ее сам Григорий. Самое посвящение в пресвитера и возведение на епископскую кафедру для Григория было причиной глубочайшей скорби. Поэтому и в биографии его больше всего придется следить за обнаружениями его скорбей. Выражение сих сердечных скорбей составляет главный предмет многих его исторических Слов и стихотворений, посему объяснить причины и силу различных скорбей Григория можно не иначе, как передавши содержание большей части его сочинений. Отказаться же от объяснения, умолчать о впечатлениях, какие производили на Григория некоторые события и поручаемые ему должности, значило бы оставить его без биографии или, по крайней мере, без изображения характеристических его свойств. Григорий Богослов сам предчувствовал, что его скорби не могут быть поняты всеми, посему писал: «Есть древнее сказание, что, если злая ехидна наложит зубы и нанесет губительную рану, уязвленный только тому охотно пересказывает о сем, в кого безжалостная ехидна со своими палящими ядами влила ту же пагубу, ибо только такой человек знает нестерпимость пагубы. Так и мой рассказ с любовью примет и пожелает знать тайны слезящегося сердца только тот, у кого одинаковая со мною печаль, одинаковое страдание и одинаковое бремя креста. Но я возбудил бы смех, рассказывая о своих горестях другому, особливо в ком вера слегка напечатлелась на поверхности сердца, в чью внутренность не проникла крепкая любовь к Небесному Царю, кто живет на земле, помышляя более о том, что однодневен. Да погибнут такие люди...»²¹. Отсюда видно, каково должно быть расположение сердца для того, чтобы сведения о дальнейшей жизни Григория могли быть приняты с полным сочувствием.

¹⁹ Свт. Григорий Богослов. Стихотворение, в котором святой Григорий пересказывает жизнь свою // Там же. Т. 2. С. 201.

²⁰ Ср.: Свт. Григорий Богослов. Слово 7 // Там же. Т. 1. С. 140.

²¹ Ср.: Свт. Григорий Богослов. Стихи о самом себе // Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 2. С. 184.

Под родительский кров из дальних странствий, предпринятых с целью получить всестороннее образование, Григорий возвратился около 356 года. Сograждане его непременно хотели испытать, чему и как он учился так долго, а посему, покоряясь их желанию, он показал им опыты своего красноречия, но в чем состояли они, неизвестно. Григорий уверяет только, что у него вовсе не были при этом в виду ни рукоплескания, ни говор удивления, ни упоение, ни поклонение, которыми в толпе молодых людей восхищаются софисты, и что эти опыты послужили как бы предуготовительным упражнением к будущим подвигам или преддверием важнейших таинств. Вероятно, вскоре по возвращении в отечество Григорий принял и Святое Крещение; оно, по предположению большей части ученых, откладывалось так долго из подражания примеру Спасителя, Который крестился, *имый лет яко тридесать* (Лк. 3:23). За сим предстояло окончательное избрание рода жизни. Усильно и долго размышлял Григорий об этом одном из самых мудреных вопросов в жизни. «Решившись все плотское вринуть в глубину, – пишет он сам о себе, – когда стал я рассматривать самые пути божественные, нелегко было найти путь лучший и гладкий. Приходили мне на мысль Илия Фесвитянин, великий Кармил, достояние Предтечи – пустыня. С другой стороны, пересиливали любовь к божественным книгам и свет Духа, почерпаемый при углублении в Божие слово, а такое занятие не дело безмолвия и пустыни. Много раз колебался я туда и сюда и наконец умирил свои желания, остановившись на середине. Я вступил на какой-то средний путь между отшельниками и подвижниками, живущими в обществе, занял у одних собранность ума, а у других старание быть полезным для общества»²². Под этими другими Григорий понимает подвижников, которые проводили жизнь безбрачную, не уединяясь в пустыню и занимаясь делами общественными. «Предпочесть этот последний род жизни понуждала меня, – говорит сам о себе Григорий, – и признательность к родившим меня, у которых я был в долгу; я хотел лелеять их старость, водить их за руку, чтобы самому иметь счастливую старость, угождая их старости»²³. Такой выбор сделан был и потому еще, что Григорий правилом любомудрия поставлял не показывать и виду, что он трудится для жизни превосходнейшей. Заботы о родителях, тем более необходимые, что брат Кесарии вскоре отправился на службу к императорскому двору, могли достаточно прикрывать его ревность об угождении Богу.

Утвердившись в таком образе мыслей, Григорий, вопреки обещанию, какое дал Василию в Афинах, и несмотря на неоднократные приглашения его, долго не находил возможности отправиться к нему в новоустроваемый монастырь. После же того, как провел с ним в Понтийской пустыне несколько времени, и по возвращении в свой Арианз часто с великим удовольствием вспоминал о занятиях, какие делил здесь со своим другом. Это тем удивительнее, что и жизнь в доме родительском очень мало отличалась по своей строгости от жизни иноков Василиевых. И дома Григорий так же занимался богомыслием и молитвой, питался самой умеренной и простой пищей, упражнялся в слове Божиим, но его много возмущало поведение слугителей, за которыми присмотр был поручен ему и которых в поместье отцовом, как видно, было немало. «Управлять слугами, – жалуется Григорий в одном стихотворении, – подлинная сеть пагубы. Жестоких владык они всегда ненавидят, а богобоязненных бесстыдно попирают; к злым не снисходительны, добрым не благопокорны, но на тех и на других дышат неразумным гневом»²⁴.

Гораздо большую скорбь Григорию причинило посвящение его в пресвитера, совершенное отцом его в праздник Рождества Христова (вероятно, в 361 году). И после обширного образования, какое получил в различных школах, высокое и досточестное звание служителя

²² Ср.: *Свт. Григорий Богослов*. Стихотворение, в котором святой Григорий пересказывает жизнь свою // Там же. С. 202.

²³ Ср.: Там же.

²⁴ *Свт. Григорий Богослов*. Стихи о самом себе // *Свт. Григорий Богослов*. Творения. Т. 2. С. 182.

алтаря казалось Григорию тем же, чем бывает солнечный свет для слабых глаз²⁵. Отец Григория знал взгляд своего сына на священство, но, побуждаемый отеческой любовью, совершенно против воли, рукоположил его в пресвитера. Григорий хотя и покорился воле родителя, принял от него посвящение, но так сильно огорчился, что забыл все: друзей, родителей, отечество, род – и, по собственному его сравнению, как вол, уязвленный слепнем, ушел в Понт, надеясь там в божественном друге найти врачевство от горести²⁶. Этим удалением он, между прочим, хотел вразумить тех, которые, по его выражению, с неумытыми руками и нечистыми душами берутся за святейшее дело, теснятся и толкаются вокруг Святой Трапезы, как бы почитая священный сан не образцом добродетели, а средством к пропитанию и начальством, не дающим отчета²⁷.

Другими же, более важными причинами этого удаления были неожиданность рукоположения и любовь к безмолвию и созерцательной жизни. Вот собственные слова Григория об этом: «Особенно поражен я был неожиданностью; подобно человеку, поражаемому внезапным громом, не собрался с мыслями и потому преступил скромность, к которой приучал себя всю жизнь. Потом овладела мною какая-то привязанность к благу безмолвия и уединения. Любя его с самого начала, сколько едва ли любил кто-нибудь из занимающихся науками, в важнейших и опаснейших для меня обстоятельствах дав Богу обет безмолвной жизни, я не вынес принуждения. Мне казалось, что всего лучше, замкнув как бы чувства, собравшись в самом себе, без крайней нужды не касаясь ни до чего человеческого, носить в себе божественные образы, всегда чистые и не смешанные с земными и обманчивыми впечатлениями, постигать блага будущего века, находясь еще на земле, оставлять землю и быть возносиму Духом горе»²⁸. Кроме сего, Григорий живо представлял себе ту тягостную борьбу, какую должен вести пастырь с дерзостью еретиков, с пороками слабых христиан, равно и угрозы недостойным служителям алтаря, изреченные в Писании. Памятование обо всем этом, говорит св. Григорий, не оставляло его день и ночь, сушило мозг, истощало плоть, лишало бодрости и не позволяло ходить с поднятыми высоко взорами²⁹. «Признаюсь, что я немог для такой брани... пока не очищен ум, пока далеко не превосхожу других близостью к Богу, небезопасным признаю принять на себя попечение о душах и посредничество между Богом и человеками, что составляет также долг иерея... Не почитайте меня боязливым сверх меры; напротив того, похвалите даже мою предусмотрительность»³⁰. «Рассматривая самых благоискусных мужей древности, нахожу, что из тех, кого благодать предызбрала в звание начальника или пророка, одни с готовностью следовали избранию, а другие медлили принимать дары; Моисей прекословил Богу, а Иеремия страшился юности, и Иона бежал от лица Божия, но и сии, отрекавшиеся за боязнь, не подверглись осуждению»³¹.

Вот побуждения, по которым Григорий немедленно по рукоположении удалился в Понт. Видно, что и Василий Великий не осуждал своего друга за такой образ действий, иначе он не позволил бы ему оставаться в своей пустыне от праздника Рождества Христова до самой Пасхи. По всему видно, что Григорию очень приятно было жить вместе со своим другом, но отец мно-

²⁵ См.: *Свт. Григорий Богослов*. Стихотворение, в котором святой Григорий пересказывает жизнь свою // Там же. С. 202.

²⁶ См.: Там же. С. 203.

²⁷ См.: *Свт. Григорий Богослов*. Слово 3 // Там же. Т. 1. С. 29. Таких «смельчаков» в то время было очень много. «Большая часть из нас (чтобы не сказать – все), – говорит Григорий, – прежде нежели узнаем наименование священных книг, научимся распознавать письма и писателей Ветхого и Нового Завета, если только затвердим два или три слова о благочестии, и то понаслышке, а не из книг, если хотя мало ознакомимся с Давидом, если умеем ловко надеть плащ или до пояса походить на философа, – мы уже и мудры, и высоки, сами себя посвящаем в небесные и желаем звания учителя» (ср.: Там же. С. 42). Посему для людей с поверхностным взглядом на пастырское служение удаление Григория, столь знакомого с науками, конечно, могло быть очень поучительным и даже обличительным.

²⁸ Ср.: *Свт. Григорий Богослов*. Слово 3 // *Свт. Григорий Богослов*. Творения. Т. 1. С. 29.

²⁹ См.: Там же. С. 48.

³⁰ Там же. С. 53.

³¹ Ср.: *Свт. Григорий Богослов*. Слово 3 // *Свт. Григорий Богослов*. Творения. Т. 1. С. 59.

гократно и даже с угрозами убеждал его возвратиться в Назианз. Можно было опасаться, как бы нежность не обратилась в клятву³², по обыкновенному свойству прогневанного простодушия³³; и назиянзяне сильно желали возвращения своего священника. Григорий долго боролся с мыслями, как поступить, находясь между двумя страхами; наконец его победил страх оказаться непокорным отцу. «Я стою в середине, – говорит он в объяснение своих действий, – в середине между слишком дерзновенными и слишком боязливыми. Я боязливее тех, которые хватаются за всякое начальство, и дерзновеннее тех, которые всего убегают. Во мне самое время ослабило чувство бедствия»³⁴. Св. Григорий сказал себе, что «против страха быть начальником подаст, может быть, помощь закон благопокорности, потому что Бог вознаграждает веру и делает совершенным начальником того, кто возлагает на Него все надежды»³⁵. Самое же сильное побуждение к возвращению состояло в том, что он вспомнил о временах давних и, встретив одно давнее сказание, извлек из него для себя наставление в настоящем обстоятельстве. Это сказание о бегстве пророка Ионы. Для Ионы, «поелику он предвидел падение Израиля и предчувствовал, что пророческая благодать переходит к язычникам», по этой причине, может быть, «извинительно было отречься от пророческого служения. Но осталось ли бы какое извинение и место к оправданию для меня, если бы я стал долее упорствовать и отрицаться от возлагаемого на меня ига служения?»³⁶

Итак, Григорий рассудил к Пасхе возвратиться в дом родительский и примириться с оскорбленным отцом и гражданами Назианза; из них многим казалось, что Григорий был сам не в себе, соделался иным человеком, противился и упорствовал больше, нежели сколько дозволительно. Родители с радостью и любовью приняли Григория, хотя он и огорчил их своим неожиданным удалением в Понт; но не видно было этого со стороны граждан назиянзских. В самый первый день Пасхи, в первом Слове к своей пастве, Григорий прежде всего испрашивал себе прощения и кротко объяснял причины своего замедления, но в этот день многие из граждан не пришли в церковь и не показали ему той внимательности, которая могла бы быть порукой за будущее. Это вновь и весьма опечалило Григория, тем более что они сами вызывали его из Понта; светлый праздник для Григория превратился не в праздник³⁷. Вскоре он произнес другие два Слова; в одном из них он высказал несколько кротких обличений жителям Назианза за непонятную и горестную для него изменчивость их чувств или превратность в расположении, а в другом подробно объяснил все причины и побуждения своего удаления в Понт (отсюда-то и занято было все, что прежде говорилось об этом)³⁸. Чрез эти два Слова Григорий возвратил себе любовь и расположение граждан.

И в смутные времена царствования Констанция³⁹ отличительным свойством паствы назиянзской была непоколебимость и безмятежие, так что часто называли ее ковчегом Ноевым за то, что одна спаслась от всемирного потопления и хранила в себе семена благочестия⁴⁰. Конечно, это было в соответствие заботам епископа и его сына пресвитера; но со вступлением на престол Юлиана и в Назиянзской епархии открылись разделения по тому случаю, что отец Григория по простоте подписался под символом веры, составленным полуарианами (в котором слово *ομοούσιος* – «единосущный» заменено было на *ομοιούσιος* – «подобосущный»). Хотя

³² Т. е. в проклятие. – *Ред.*

³³ См.: *Свт. Григорий Богослов. Стихотворение, в котором святой Григорий пересказывает жизнь свою // Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 2. С. 203.*

³⁴ Ср.: *Свт.: Григорий Богослов. Слово 3 // Там же. Т. 1. С. 59.*

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. С. 58.

³⁷ См.: *Свт. Григорий Богослов. Слово 2 // Там же. С. 24.*

³⁸ Имеется в виду Слово 3. – *Ред.*

³⁹ Констанций II (317–361) – римский император в 337–361 гг., поддерживал арианство. – *Ред.*

⁴⁰ См.: *Свт. Григорий Богослов. Слово 6 // Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 1. С. 130; Слово 18 // Там же. С. 231.*

отец Григория, по выражению сына, в этом случае не погрешил мыслью и чернило не очернило души его⁴¹, но христиане назианзские отделились от своего пастыря; даже самые иноки, строгие по жизни и отличавшиеся особой преданностью своему епископу, хотя позднее других, оставили его и просили соседних епископов кого-либо из избранных старцев посвятить в пресвитера⁴². Повод к неблагоприятным толкам об отце Григории подавал еще брат Григория Кесарии, оставшийся на службе при дворе императорском и в царствование Юлиана. «И у своих и у посторонних, сколько ни есть нам знакомых, – по словам Григория, – обратилось в постоянное занятие говорить следующее: „Епископский сын ныне уже в службе, домогается мирских чинов и славы и побеждается корыстолюбием; и так ныне все воспламенено страстью к деньгам и для них не щадят люди души своей. Как теперь епископы уговорят другого не оскверняться общением с идолами, как теперь наказывать проступившихся в чем ином, когда сам епископ не смеет сказать слова по причине случившегося у него в доме?“ Вот что, или еще и гораздо сего худшее, слышим мы каждый день и от тех, которые говорят это, может быть, по дружбе, и от тех, которые нападают из неприязни»⁴³.

В таких обстоятельствах Григорий, как преданный сын, был истинным утешителем для своих родителей. Отец его так был огорчен такими слухами о Кесарии, что самая жизнь была ему в тягость. Посему для успокоения его Григорий уверял, что Кесарии скоро откажется от места и не будет больше причинять печали своему отцу. От матери же Григорий разными выдумками скрывал известие о брате Кесарии и толки из-за этого по тому опасению, как сам говорит в одном письме, «что государыня мать, если услышит о тебе [Кесарии] что-нибудь неприятное, впадет в скорбь совершенно безутешную и что она как женщина, по крайнему благоговению, неспособна соблюсти меру в подобных случаях»⁴⁴. В письме Кесарию Григорий убеждал его оставить службу при дворе и раскрывал все неблагоприятные следствия, каких можно ожидать от этой службы. Из письма видно, что Григорию не нравилась придворная служба Кесария не только при Юлиане, но и при его предшественнике⁴⁵. Недолго молчал Григорий и по случаю отделения паствы от его отца. Самое молчание имело целью привлечь Дух и *отрыгнуть*⁴⁶ слово *благо* (Пс. 44:2)⁴⁷. Прекращение смятения впоследствии Григорий приписывал молитвам и увещаниям отца, но, однако же, позволял себе и такие слова: «...и я участвовал в его благочестии и деятельности, ибо помогал ему во всяком добром деле и как бы сопутствовал и следил за ним, почему и удостоился совершить большую часть дела»⁴⁸. Но каких трудов стоило ему это примирение, неизвестно. До нас дошло только одно Слово его⁴⁹, которое говорено уже по воссоединении монашествующих. Здесь высказывалось уже благодарение Господу за умирение разделенных, и увещание направлено только к подкреплению и утешению тех, которые присоединились к Церкви.

Конечно, важное влияние на паству назианзскую имели еще и те два обличительных Слова против Юлиана, которые произнесены Григорием вскоре по смерти этого отступника. Это было лучшее противодействие похвальным речам, в которых превозносили умершего ученые язычники, и в числе их особенно Ливаний⁵⁰. Слова Григориевы написаны, кажется, по

⁴¹ См.: *Свт. Григорий Богослов. Слово 18 // Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 1. С. 231.*

⁴² См.: *Свт. Григорий Богослов. Слово 4 // Там же. С. 64.*

⁴³ Ср.: *Свт. Григорий Богослов. Письмо 7. К Кесарию брату // Там же. Т. 2. С. 421–422.*

⁴⁴ Ср.: Там же. С. 422.

⁴⁵ См.: Там же. С. 421.

⁴⁶ Ц.-сл. «отрыгнуть» – «сказать», «изречь». – *Ред.*

⁴⁷ См.: *Свт. Григорий Богослов. Слово 6 // Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 1. С. 125.*

⁴⁸ *Свт. Григорий Богослов. Слово 18 // Там же. С. 231.*

⁴⁹ *Свт. Григорий Богослов. Слово 6 // Там же. С. 125–136*

⁵⁰ Ливаний (Либаний; 314 – около 393) – языческий ритор, известный представитель так называемой второй софистики. – *Ред.*

совету или даже при помощи Василия, потому что в конце последнего Слова встречаются такие выражения, обращенные к лицу Юлиана: «Сие приносят тебе Василий и Григорий, противники и противоборники твои, как сам ты думал и других уверял, своими угрозами поощряя нас к вящему благочестию»⁵¹. Из этих же обличительных Слов Григория видно, что Юлиан усиленно убеждал его брата Кесария принять сторону язычников и, когда уверился в безуспешности убеждения, с огорчением сказал: «Благополучный отец, злополучные дети»⁵²; последним выражением явно намекал он и на Григория.

Спустя год после сего Григорий принял живое участие в примирении Евсевия, епископа Кесарийского⁵³, с другом своим пресвитером Василием. Епископ Евсевий произвел сильные смятения в Кесарии единственно своей завистью к другу Григорию. Притеснения Василию были так явны, что почитатели его, монахи и другие христиане кесарийские, хотели отделиться от епископа. Это отделение могло быть еще более опасно по своим последствиям, потому что император Валент⁵⁴, покровитель ариан, уже поставивший во многих православных церквях епископами ариан, начинал тем же угрожать и Кесарии. И дружба⁵⁵, и ревность о благе православных побуждали принять возможные меры к предотвращению зла. Посему, как скоро распространились слухи, что монахи кесарийские из-за Василия отделяются от своего епископа, Григорий сам пришел в Кесарию, советовал Василию оставить на время служение в Кесарии и удалиться в свой монастырь, а по возвращении в Назианз написал и ходатайственное письмо за Василия к епископу Евсевию. Письмо это ясно свидетельствует о сильной любви Григория к Василию и к справедливости, а кроме сего, замечательно по смелости, с какой пишет воодушевленный чувством правоты священник к своему митрополиту. Вот извлечение из сего письма: «Как радуюсь, что делаешь мне честь и приглашаешь меня на духовные собрания и совещания, так тяжело для меня оскорбление, какое терпел и доселе терпит от твоего благоговения досточестнейший брат Василий, с самого начала мной избранный и донныне остающийся для меня товарищем жизни, учения и самого высокого любомудрия... ты, унижая его и оказывая честь мне, по моему мнению, поступаешь почти так же, как если бы кто одного и того же человека стал одной рукой гладить по голове, а другой бить по щеке или, подломав основание дома, начал расписывать его стены и украшать наружность. Если убедишься сколько-нибудь моим словом, то сделаешь по-моему. А я прошу убедиться, потому что это и справедливо. Если обойдешься с Василием как должно, то он будет служить тебе. А мое дело следовать за ним, как тени за телом»⁵⁶. Евсевий оскорбился таким письмом, но Григорий не считал нужным просить извинения и в следующем письме говорил не менее смело: «Хотя ты и выше по степени, однако же дай и мне несколько свободы и справедливого дерзновения, а потому будь к нам благосклоннее. Если же судишь о моем письме как о письме служителя, обязанного смотреть тебе в глаза, то в этом случае и удары приму, и плакать не буду»⁵⁷. Хотя и после этого письма Евсевий обвинял Григория в низости⁵⁸, но, когда Григорий по новому приглашению явился в Кесарию, Евсевий уже охотно обещался в знак примирения писать самому Василию просительное и пригласительное письмо⁵⁹. Узнав об этом, Григорий, со своей стороны, немедленно

⁵¹ Ср.: *Свт. Григорий Богослов. Слово 5 // Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 1. С. 123.*

⁵² См.: *Свт. Григорий Богослов. Слово 7 // Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 1. С. 143.*

⁵³ Кесарии Каппадокийской, предшественника св. Василия Великого по кафедре. – *Ред.*

⁵⁴ Валент (около 328–378) – император восточной части Римской империи с 364 г. – *Ред.*

⁵⁵ Хотя Григорий твердо был убежден, что Василий жизнью, словом и правилами превосходит всех известных ему, однако не считал излишним давать ему свои советы и как бы поощрять к добродетелям. Так, вскоре после рукоположения его в пресвитеры, тоже против воли, он писал ему о необходимости терпения и ревности к исполнению обязанностей нового сана.

⁵⁶ *Свт. Григорий Богослов. Письмо 12. К Евсевию // Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 2. С. 429–430.*

⁵⁷ *Свт. Григорий Богослов. Письмо 17. К Евсевию // Там же. С. 430.*

⁵⁸ См.: *Свт. Григорий Богослов. Письмо 18. К нему же // Там же. С. 430.*

⁵⁹ См.: *Свт. Григорий Богослов. Письмо 19. К Василию Великому // Там же. С. 431.*

известил об этом Василия, убеждая его не доводить своего епископа до такого уничтожения, но предупредить его или своим письмом, или немедленным возвращением. Этот высокий подвиг любви был совершенно по душе Василию – он немедленно явился в Кесарию и успешно разрушил все замыслы собравшихся сюда ариан.

В этом деле борьбы с арианами помогал Василию и Григорий, явившийся сюда по его вызову, но в чем состояла его помощь, неизвестно; на это важное содействие указывают только следующие прикровенные⁶⁰ выражения Григория в похвальном Слове Василию: «Если с Павлом подвизался и Варнава, который о сем говорит и пишет, то и за сие благодарение Павлу, который его избрал и соделал сотрудником в подвиге»⁶¹. Ход речи ясно показывает, что под Павлом разумеется Василий, а под Варнавою – автор слова.

Из деятельности Григория в следующие шесть лет его жизни, до возведения Василия на архиепископский престол, известны только его домашние заботы и беспокойства. Брат Григория Кесарии хотя оставил службу при дворе в царствование Юлиана, но при его преемниках опять был вызван туда. Государи даже препирались между собой в том, кто из них более ласкал Кесарию и кто имел более права назвать его искреннейшим другом и приближенным⁶². По должности хранителя царской казны, которая дана была ему сверх должности первого врача, он должен был прожить несколько времени в Никее Вифинской. Но здесь в 368 году случилось страшное землетрясение, от которого из знатных жителей спасся почти один Кесарии. Это избавление от внезапной смерти было тем отраднее, что Кесарии доселе был только в числе оглашенных, еще не был крещен. Григорий и прежде много раз в своих письмах убеждал брата оставить мирскую жизнь, а теперь самым чувством живой благодарности за чудесное избавление склонял его принять крещение и вместе с сим просил его возвратиться в дом⁶³. О том же убеждал писать к Кесарию и Василия Великого. Кесарии послушался, но вскоре после крещения умер. Григорий сильно поражен был его смертью⁶⁴. В чувстве глубокой скорби Григорий обнимал и лобызал все, напоминавшее о Кесарии⁶⁵, но его смерть, плачевная для истинно братской любви, принесла Григорию еще много других огорчений.

К отцу Кесария во множестве стали являться мнимые заимодавцы сына. Имущество Кесария при жизни его было в руках служителей и таких людей, которые соблюли чрезмерно мало, и это немного по желанию умершего роздано было нищим. Пока было можно, родители Кесария расплачивались с мнимыми заимодавцами, так что многие жалели даже о том, что они не просили большего. Но, смотря на пример предупредивших⁶⁶, и прочие стали объявлять ложные иски⁶⁷. Разыскивать справедливость этих исков отец поручил жившему у него сыну. Григорию надобно было проводить время среди волнений многолюдных собраний, надобно было выслушивать возражения противников. Блюстители законов были подкуплены искателями чужого имущества. Из родных же никто не помогал Григорию. Все эти беспокойства тем более тяготили и мучили Григория, что и на будущее время никто не мог освободить его от попечения о доме родительском и от несносного надзора за служителями. Прежде Григорий твердо надеялся в этом на Кесарию, который действительно отклонял от него все беспокойства и почитал его, как не почитал никто другой, и уважал, как иной уважал только любимого отца⁶⁸. При этом Григорий часто уносился мыслями к воспоминанию о мирной жизни в пустыне Васи-

⁶⁰ Здесь: иносказательные, содержащие в себе переносный смысл. – *Ред.*

⁶¹ *Свт. Григорий Богослов. Слово 43 // Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 1. С. 528.*

⁶² *См.: Свт. Григорий Богослов. Слово 7 // Там же. С. 143.*

⁶³ *См.: Свт. Григорий Богослов. Письмо 20. К Кесарию брату // Там же. Т. 2. С. 431–432.*

⁶⁴ *См.: Свт. Григорий Богослов. Слово 7 // Там же. Т. 1. С. 144.*

⁶⁵ *См.: Свт. Григорий Богослов. Письмо 30. К Филагрию // Там же. Т. 2. С. 436.*

⁶⁶ *Т. е. тех, которые предъявили иски первыми. – Ред.*

⁶⁷ *См.: Свт. Григорий Богослов. Письмо 29. К Софронию ипарху // Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 2. С. 436.*

⁶⁸ *См.: Свт. Григорий Богослов. Стихи о самом себе // Там же. С. 184.*

ливой, и в нем рождалось глубокое раскаяние о том, что прежде у него не достало твердости духа навсегда избрать для себя пустынную жизнь: «Там [в этой пустыне], живя один вдали от людей, носил бы я в сердце всецелого Христа, к Единому Богу вознося чистый ум. Доселе не испытывал я столь сильных и многочисленных горестей, не страдал я столько и тогда, как двадцать дней и ночей лежал на корме корабельной в ожидании ужасов кораблекрушения, не скорбел столько и во время землетрясения в Афинах и тогда, как, вертя прут, поранил себе изогнутый угол ресницы. Много потерпел я бедствий, но доселе не встречались такие несчастья, какие напоследок приразились мне. Я новый Иов, недостает только подобной причины моих страданий. Я один известен всякому не тем, что имею пред другими преимущество в слове или в силе руки, но своими скорбями и сетованиями. Моя слава в скорбях: на меня из сладостной руки Твоей, Царь мой Христос, Ты истощил все горькие стрелы»⁶⁹.

Впрочем, при всей этой сильной скорби у Григория доставало мужества, чтобы пролить в душу скорбящего родителя лучшие христианские утешения и почитать своего брата похвальным Словом⁷⁰. Такое Слово было необходимо и потому, что некоторые обстоятельства в жизни Кесария требовали объяснения. Так, например, Кесарии долго не принимал крещения и довольно долго не оставлял придворной жизни даже и тогда, когда был императором Юлиан Богоотступник.

Около этого времени скончалась и сестра Горгония, бывшая в замужестве за язычником; пред смертью своей она, впрочем, обратила его в христианство⁷¹. Ее строгая и благочестивая жизнь была очень известна назидательной пастве; к ее советам прибегали не только родственники, единомысленцы и соседи, но и все знавшие ее в окрестности, и ее увещания и наставления почитали для себя ненарушаемыми законами⁷². А потому и ее память Григорий почтил похвальным Словом – сколько для утешения скорбящих, столько и для назидания других примером ее жизни и для сохранения ее памяти в потомстве. «Должно обращать большее внимание, – говорит Григорий, – не на мнение людей злонамеренных, которые могут обвинить в пристрастии, а на мнение благонамеренных, которые требуют должного. Всего несообразнее думать, что поступим справедливо, кого-либо из своих лишив слова, чрез которое особенно обязаны мы служить людям добрым и умершим можем доставить бессмертную память»⁷³.

В 370 году сделались нездоровы и его друг, и его отец, а вскоре и его мать. Тяжкая болезнь постигла Василия незадолго до избрания его в епископы. Когда же епископы стали собираться в Кесарию, по смерти Евсевия, для избрания ему преемника, Василий уже довольно поправился в своем здоровье, хотя и приглашал к себе Григория, ссылаясь на болезнь. Есть причины думать, что Василий призывал своего друга для того, чтобы отклонить от себя кафедру епископскую и в присутствии Григория указать на него как на одного из лучших кандидатов для занятия кесарийского престола. К этой мысли приводят следующие выражения Григория из письма его к св. Василию: «Вызывал ты меня в митрополию, когда нужно было совещаться об избрании епископа. И какой благовидный и убедительный предлог! Притворялся, что болен и находишься при последнем издыхании, желаешь меня видеть и передать мне последнюю свою волю. Удивляюсь, как ты думаешь, что не одно и то же прилично и тебе и мне, которых в начале так сдружил Бог, что и жизнь, и учение, и все у нас общее, и как подумал, что тут будут

⁶⁹ Ср.: *Свт. Григорий Богослов. Жалобы на свои страдания* // Там же. С. 273; *Стихи о самом себе* // Там же. С. 186.

⁷⁰ См.: *Свт. Григорий Богослов. Слово 7* // *Свт. Григорий Богослов. Творения*. Т. 1. С. 137–149.

⁷¹ См.: *Свт. Григорий Богослов. Слово 8* // Там же. С. 153.

⁷² См.: Там же. С. 154.

⁷³ Ср.: Там же. С. 150. Замечательно, что, упомянув в этом Слове о Соломоновом изображении доброй жены, Григорий прибавляет: «Если бы я стал хвалить за такие качества сестру, то сие значило бы хвалить статую по тени или льва по когтям, оставив без внимания важнейшее и совершенное». Отсюда очевидно, что Соломоново изображение женщины, по мнению Григория, не заключает в себе многих совершенств, которыми должны украшаться жены христиан, а потому недостаточным казалось и для ознакомления со всеми добрыми качествами Горгонии.

выставлять на вид людей благоговейных, а не сильных в городе и любимых народом»⁷⁴. Как бы то ни было, во всяком случае, известие о болезни Василия сильно огорчило Григория, он проливал источники слез и отправился было в путь, но узнав, что в городе собираются епископы, поехал назад, а Василию вместо себя отправил письмо с такими заключительными словами: «Твое благоговение увижу тогда, когда устроятся дела и позволит мне время; увижу – и тогда побраню побольше и посильнее»⁷⁵.

Через несколько времени сам отец Григория решился отправиться в Кесарию для присутствия на соборе по делу об избрании епископа в Кесарию. Но и больному отцу не хотел сопутствовать Григорий; даже и после того, как Василий уже посвящен был в епископа, Григорий медлил являться с поздравлением к своему другу, несмотря на новые приглашения. Поступал он так по заботливости о славе своего друга и об отвращении повода к суетным толкам завистливых людей. Вот его слова: «Когда все другие думали, что я поспешу к новому епископу или, лучше, разделю с ним начальство и когда обо всем этом заключали по нашему дружеству, тогда, избегая высокомерия и повода к зависти, остался я дома, с насилием обуздав желание видеться с тобой. Да и теперь не спешу к тебе, и ты сам этого не требуешь, во-первых, чтобы сберечь мне честь твою и чтобы не подумали, что собираешь приверженцев по незнанию приличий и по горячности, как могут сказать завистники, а во-вторых, чтобы мне самому приобрести постоянство и неукоризненность»⁷⁶. Василию это казалось охлаждением в дружбе, и он упрекал Григория в пренебрежении к себе, как к покинутой ягоде на виноградной лозе. На это Григорий отвечал изумлением: «Будто бы что-нибудь твое для меня то же, что иссохшая ягода на виноградной лозе! Как вырвалось у тебя такое слово из ограды твоих зубов, о божественная и священная глава! Как отважился ты вымолвить это!.. Как подвиглась мысль, написало чернило, приняла бумага!.. Меня ли ты не знаешь или самого себя? Как может быть маловажным для Григория что-нибудь твое, око вселенной, звучный глас и труба, палата учености! Чему же иному станет кто дивиться на земле, если Григорий не дивится тебе? Одна весна в году, одно солнце между звездами, одно небо объемлет собой все, один голос выше всех... и это твой голос»⁷⁷.

Около этого же времени подверглась какой-то болезни и мать Григория; это еще замедлило на несколько времени свидание с Василием, и он писал ему: «От твоего преподобия зависит привести в порядок мои дела, ибо безотлучно сижу при одре государыни матери, которая, много уже тому времени, страждет недугом. И если можно будет оставить ее вне опасности, будь уверен, не лишу себя твоего лицецерия. Помогай только своими молитвами ей выздороветь, а мне совершить путь»⁷⁸. В непродолжительном времени Нонна получила облегчение от своей болезни и этим считала себя обязанной сыну. Однажды, когда Григорий взошел к ней рано утром и стал по обыкновению спрашивать, как провела ночь и что ей нужно, она, нимало не медля и речисто, сказала: «Сам ты, любезный, напитал меня и потом спрашиваешь о здоровье». Этим намекала она на сновидение, в котором ей представлялось, что сын ее Григорий явился к ней ночью с корзинами самых больших хлебов, потом произнес над ними молитву и, запечатлев их крестным знамением, подал ей вкушать и тем восстановил ее силы; и после этого сна она действительно стала приметно поправляться⁷⁹.

По выздоровлении матери Григорий посетил своего друга; впрочем, пробыл у него очень краткое время, не дождавшись даже кесарийского праздника в честь мученика Евпсихия. Васи-

⁷⁴ Ср.: *Свт. Григорий Богослов. Письмо 40. К Василию Великому* // *Свт. Григорий Богослов. Творения*. Т. 2. С. 442.

⁷⁵ Там же. С. 443.

⁷⁶ Ср.: *Свт. Григорий Богослов. Письмо 45. К Василию Великому* // *Свт. Григорий Богослов. Творения*. Т. 2. С. 447.

⁷⁷ *Свт. Григорий Богослов. Письмо 46. К нему же* // Там же. С. 447.

⁷⁸ *Свт. Григорий Богослов. Письмо 60. К нему же* // Там же. С. 457.

⁷⁹ См.: *Свт. Григорий Богослов. Слово 18* // Там же. Т. 1. С. 237.

лий предлагал Григорию и сан епископа или место первого при себе пресвитера, но он не принял ни того ни другого, также избегая зависти и заботясь о предотвращении толков, неблагоприятных и для Василия⁸⁰. По возвращении из Кесарии Григорию открылся случай защищать своего митрополита на каком-то пиру. Вот как пересказывает это сам Григорий в письме к Василию: «Был пир, и на пиру было немало людей знатных, а в числе их находился некто из носящих имя и образ благочестия. Пированье еще не начиналось; слово зашло о нас, которые, как это обыкновенно случается на пирах, вместо всякого другого занятия в перерывах становятся предметом общего рассуждения. Все дивятся твоим совершенствам, присовокупляют к тебе и меня, говорят о нашей дружбе, об Афинах, о нашем единодушии и единомыслии во всем; но бывший тут монах громогласно изъявил свое неудовольствие и сказал: „Что это, государи мои, так вы много лжете и зачем допускаете такую лесть? Пусть похвалены Василий и Григорий будут за другое, если угодно, в том не спорю, но за Православие напрасно хвалят Василия, напрасно и Григория; один изменяет вере тем, что говорит, а другой тем, что терпит это“. Я, со своей стороны, – продолжает Григорий, – спросил этого нового Дафана и Авирона (см. Чис. 16:1-33; Втор. 11:6; Пс. 105:17) по высокоумию: „Откуда это, пустой человек, пришел ты с таким правом учительства? И как смеешь сам себя делать судьей в таких предметах?“ – „Я теперь, – говорил он, – с собора, который был у мученика Евпсихия, и он свидетель, что это действительно так. Там слышал я, как великий Василий богословствовал: об Отце и Сыне превосходно, весьма совершенно и как не легко было бы сказать всякому другому, а в учении о Духе уклонился от прямого пути, неясно высказал мысль, как бы набрасывал тень на учение, не осмеливался выговорить истину, накидывая нам в уши выражения, приличные более человеку изворотливому, нежели благочестивому, и прикрывая двоедушие силой слова“. – „Это потому, – говорил я, – что около Василия жестокая битва, еретики стараются ловить каждое речение из его уст, чтобы после того, как все у нас захвачено, и этот муж, единственно почти оставшаяся у нас искра истины и жизненная сила, и этот муж мог быть изгнан из Церкви, а вслед за сим из этой Церкви, как бы из какой засады, зло ереси арианской разливалось бы по всей вселенной. Поэтому нам лучше быть бережливыми на истину, уступив несколько времени, которое омрачило нас подобно облаку, нежели ясной проповедью привести истину в упадок. Истина заключается не столько в слове, сколько в мысли. Но Церкви [будет нанесен] великий урон, если с одним человеком изгнана будет истина“. Такой осторожности не одобрили присутствовавшие, называя ее неблагоприятной и даже насмешкой над ними, порицали нас за то, что ограждаем более робость свою, нежели учение Церкви»⁸¹. Много и другого слышал Григорий по этому поводу и сам говорил еще и даже сверх меры и обыкновения изъявлял свое негодование противоречившим, но для лучшего поправления дела письменно просил наставления у Василия, до чего должно простираться в богословии о Духе и какие употреблять речения, чтобы можно было вразумить противников. Василий сверх ожидания оскорбился известием об этом и звал к себе самого Григория только для отражения нападения императора Валента. Валент спешил в Кесарию с той целью, чтобы поставить здесь арианского епископа.

Валент прежде Кесарии направил путь свой в Назианз и привел с собою нескольких ариан в надежде поработить себе и Назианзскую епархию. Но противодействие двух Григориев было так сильно, что он нисколько не успел в своих замыслах. Это видно из слов Григория Богослова об отце: «И здесь оказал он нам немалую помощь, как сам, так, может быть, и чрез меня, которого он, как молодого пса нехудой породы, для упражнения в благочестии выводил против сих лютых зверей»⁸². К сожалению, нет никаких других сказаний, что именно сделал в это время этот, по смиренному выражению о себе Григория, молодой пес...

⁸⁰ См.: *Свт. Григорий Богослов. Слово 43* // Там же. С. 531.

⁸¹ Ср.: *Свт. Григорий Богослов. Письмо 58. К Василию* // *Свт. Василий Великий. Творения. Т. 2.* С. 455–456.

⁸² См.: *Свт. Григорий Богослов. Слово 18* // Там же. Т. 1. С. 242.

Прогнав свирепых волков от своего стада, Григорий поспешил в Кесарию на помощь к своему другу, которому предстояла страшная борьба и с префектом Модестом, и с самим императором. Григорий, как знаем, был свидетелем беседы Василия с царем о Назианзе, но какие он оказал при этом услуги Василию и Церкви, тоже неизвестно. Только одно письмо Василия показывает, что святитель Кесарийский многого ожидал от его присутствия в это бурное время; вот слова Василия: «Склонись на мою просьбу, раздели мой труд в предстоящем подвиге и выступи со мной против ополчившегося на меня. Ибо, если только явишься, остановим все стремление, рассыплем собравшихся и заградим всякие несправедливые уста дерзких еретиков»⁸³.

Глава III

Скорбь Григория после посвящения в епископа Сасимского. – Слово при посещении Григория Нисского. – Отказ от Сасимской епархии по случаю угроз Анфима и размолвка с Василием. – Содействие Григория отцу в качестве выкария. – Попечение о пастве назиданской по смерти отца. – Удаление в Селевкийский монастырь

В 372 году Григорий рукоположен был в епископа Сасимского. Это было для него причиной еще большей скорби, чем посвящение в пресвитера; только при этом он более всего жаловался на своего друга, а не на отца. «Что с тобой сделалось? – писал он уже в глубокой старости, обращая речь к св. Василию. – За что вдруг бросил ты меня в такую от себя даль? Да погибнет в мире закон дружбы, которая так мало уважает друзей!.. Лжецом для меня стал этот во всем прочем нелживейший друг. Не раз слышал он, как я говаривал: „Теперь все надобно переносить, хотя бы случилось что и худшее. Но как скоро не станет родителей на свете, тогда мне будет полная возможность оставить дела и от бездомной жизни приобрести хотя ту выгоду, что легко буду гражданином всякого места“. Он слышал это и хвалил мое рассуждение. Но при всем этом вместе с отцом моим насильно возводит на епископский престол...»⁸⁴

Св. Григория утешало представление и о самом месте назначения – Сасимах. «На большой дороге, пролегающей чрез Каппадокию, – говорит он, – есть место обычной остановки проезжих, с которого одна дорога делится на три, место безводное, не произрастающее и былинки, лишенное всех удобств, селение ужасно скучное и тесное. Там всегда пыль, стук от повозок, слезы, рыдания, собиратели налогов, орудия пытки, цепи и жители – чужеземцы и бродяги. Такова была моя церковь в Сасимах; здесь не было бы у меня хлеба, чтобы разломить его с пришельцем, здесь я, нищий, принял бы в управление народ также нищенствующий, не видя никакого средства оказать ему услугу; здесь я должен был обирать одни терния, а не розы с терний, пожинать одни бедствия, не прикрытые никакими выгодами»⁸⁵. Вот причины, которые побуждали Григория со всем жаром отказываться от епископского престола. Впрочем, хотя с глубокой скорбью, хотя невольно, он дозволил совершить над собой посвящение и, не подклонившись духом, подклонил, однако же, выю под руки твердых в своей решимости святителя Василия и своего отца. Слово, которое произнес сам Григорий при своем посвящении, заставляло думать, что он чрез несколько времени примирится с новостью своего положения⁸⁶.

⁸³ Ср.: *Свт. Василий Великий. Письмо 71. К Григорию // Свт. Василий Великий, Архиепископ Кесарии Каппадокийской. Творения: В 2 т. М.: Сибирская Благозвонница, 2008–2009. Т. 2. С. 566.*

⁸⁴ *Свт. Григорий Богослов. Стихотворение, в котором святой Григорий пересказывает жизнь свою // Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 2. С. 204.*

⁸⁵ Ср.: *Свт. Григорий Богослов. Стихотворение, в котором святой Григорий пересказывает жизнь свою // Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 2. С. 204–205.*

⁸⁶ *Свт. Григорий Богослов. Слово 9 // Там же. Т. 1. С. 161–162.*

Объясняя здесь причины своих слез и страданий, Григорий просил наставления у Василия к прохождению возложенного на него пастырского служения, но при всем этом нельзя было надеяться, что новопоставленный епископ тотчас же решится вступить в управление своей епархией. В этом же Слове при рукоположении он ясно и с силой высказал мысль, что никак не может порицать себя за свой страх и сетование о своем недостоинстве, потому что и Исайя взывал: *о окаянный аз* (Ис. 6:5); и Маной по явлении Ангела говорил: «Мы погибли, ибо видели Бога» (Суд. 13:22); и апостол Петр просил Господа Иисуса удалиться из лодки, ибо почитал себя недостойным Божия явления и собеседования (Лк. 5:8). Этот страх и это смиренное сознание своего недостоинства не оставляли Григория и по рукоположении. И так он опять сделался беглецом, укрылся в какую-то гору, посвятил себя любимому образу жизни, услаждался им и рассуждал сам с собою: «Пусть для других будут почести и труды, для других – брани и отличия за победы, а для меня, избегающего браней и углубляющегося в самого себя, довольно жить, как могу, как бы на легком судне переплыть небольшое море и скудостью здешней жизни приобрести себе малую обитель в жизни будущей. Может быть, более низости, но зато и более осторожности показывает мысль – равно удаляться и высоты, и падения»⁸⁷. В пустынной горе, куда скрылся Григорий, он говорил сам себе и такие речи: «Впредь не буду верить дружеству; для чего мне полагаться на человека? *Ибо всяк человек льстиво* ходит (Иер. 9:4). Какая польза мне от этой ревностной и прославляемой дружбы, которая началась с мира и перешла в дух? Какая польза от того, что у нас были один кров и одна трапеза, общие наставники и уроки? Что пользы из этого более, нежели братского, слияния сердец и впоследствии искреннего единодушия? Ужели мне не позволят и того, чтобы остаться внизу во время владычества и возвышения друга, когда многие домогаются противного, то есть того, чтобы вместе с друзьями владычествовать и участвовать в их благоденствии?»⁸⁸ Впрочем, сам же Григорий чрез несколько времени эту печаль и уныние назвал и омрачением ума, и высокоумием, и надмением. «Так размышлял я, пока еще можно было писать тени и питать ум пустыми вымыслами»⁸⁹. Повторились по-прежнему просьбы и уговоры со стороны отца, и он переменял свои мысли и свою перемену называл делом более справедливым и более приличным. Все это открыто высказал он в коротеньком Слове по возвращении из своего уединения. Вскоре после сего к празднику в память неизвестно каких мучеников пришел в Назианз для утешения Григория и брат Василия Григорий, епископ Нисский. И в этот праздник Григорий произнес Слово; в нем поступок Василия назвал недостойным живущего в нем Духа, Впрочем, уже изъявлял такую готовность обречь себя на подвиги епископского служения, что отказывался и от утешений, как вовсе ненужных по окончании дней скорби. «Дорого для меня пришествие твое, – говорил он, обращаясь к епископу Нисскому, – однако же укоряю тебя за то, что пришел позже, чем требовала нужда. К чему кормчий после бури и лекарство по заживлении раны?»⁹⁰

По сим словам можно было бы подумать, что буря скорбей совсем утихла в сердце Григория, но не так было на самом деле; в нем оставались чувства и мысли, которые по временам все еще ослабляли твердую решимость и показывали состояние колебания. Пока он собирався в Сасимы, в Назианзе он наслышался много толков о немиролюбивом Анфиме, епископе соседнего города Тианы. Действительно, Анфим усиленно домогался присоединить Сасимскую епархию к своей митрополии и у самого Василия отнял лошаков, охраняя пределы своей митрополии. Люди, расположенные к Григорию, по лести или по убеждению с сожалением говорили ему, что он брошен Василием, как самый бесчестный и ничего не стоящий сосуд или как подпорка под сводами, которую, по складке свода, вынимают и считают за ничто. Когда

⁸⁷ Свт. Григорий Богослов. Слово 10 // Там же. С. 164.

⁸⁸ Ср.: Там же. С. 164–165.

⁸⁹ Ср.: Там же. С. 164.

⁹⁰ Ср.: Свт. Григорий Богослов. Слово И // Там же. С. 167.

сам Анфим явился в Назианз, то не устыдился высказать несколько угроз новопоставленному Сасимскому епископу, и по отправлении из Назианза он с дерзостью порицал двух Григориев – отца и сына – в письме к ним за приверженность Василию. Все это побуждало Григория отказаться от Сасимской кафедры, несмотря на новые просьбы отца и на письменные упреки Василия. Василий, чтобы побудить Григория к переселению в Сасимы, отказ его от кафедры производил из лености и нерадения о благе Церкви и называл его даже человеком необразованным, грубым, недостойным дружбы, да и самой жизни. Вот ответ на это Григория. «Укоряешь меня в лености и нерадении, потому что не взял твоих Сасимов, не увлекся епископским духом, не вооружаюсь вместе с вами, чтобы драться, как дерутся между собой псы за брошенный им кусок... [но я] столько хваюсь своей беспечностью, что величие духа в этом почитаю законом для всех и думаю, что если бы все подражали мне, то не было бы беспокойств церквам, не терпела бы поруганий вера, которую теперь всякий обращает в оружие своей любопытности»⁹¹. Св. Григорий говорит еще о себе, что он вовсе не касался данной ему Сасимской церкви, ни однажды не совершал там служения Богу, не молился с народом, не возложил рук ни на одного из клириков⁹². Впрочем, все это не означало, что он решительно прервал дружбу с Василием; напротив, в это же время он помогал Василию в его противодействии Анфиму. Это видно из следующих слов самого Григория. «Устал я, слушая упреки тебе и защищая тебя пред людьми, которым хорошо известны и прежние, и нынешние наши с тобой отношения»⁹³. Он вел длинную беседу и с Анфимом о том, что последний несправедливо приписывал Сасимы к своему округу, и извещением Василия о том, что Анфим желает окончить дело миром на общем совещании с прочими епископами, положил конец полугодным негодованиям, какие были между епископами Кесарийским и Тианским⁹⁴ о Сасимской кафедре. Еще прежде соборного совещания епископов по делу о Сасимской кафедре Григорий оказал важное содействие Василию рукоположением Евлалия в епископа города Доары. Как это было важно, можно судить по тому, что об этом городе особенно спорил Анфим, из-за него приверженцы Анфима готовы были даже наложить на Григория свои руки.

Но, отказавшись от своей епархии, Григорий, можно сказать, остался викарием у отца. Отец его, убедившись в невозможности отправить сына в Сасимы, в самых сильных выражениях склонял его принять на себя попечение о Назианзской церкви. «Подари немногие дни останку моих дней, – сказал он ему, – подари немногие дни, и прочей своей жизнью располагай, как тебе угодно. Сделай мне эту милость, сделай, или другой предаст меня гробу. Такое наказание определяю за непокорность»⁹⁵. Григорий согласился на требование отца, но согласился не иначе, как с условием, чтобы ему дозволено было сложить с себя попечение о церкви Назианзской немедленно по кончине родителя. Это викариатство Григория продолжалось около двух лет. Из действий его, относящихся к сему периоду времени, известны только два Слова: одно сказано по случаю опустошения полей необычайным градом, а другое – по случаю какого-то возмущения жителей Назианза⁹⁶.

Весной 374 года умер отец Григория, а вскоре после него и мать его. Григорий, воздав им последний долг, думал оставить Назианз и посвятить себя уединенной жизни. Но несколько благоговейных людей с настойчивостью требовали от него и заклинали продолжать попечение о церкви отцовской, говоря, что в противном случае она сделается добычей множества людей богомерзких, то есть еретиков⁹⁷. Отказаться было чрезвычайно трудно, и на краткое время он

⁹¹ Свт. Григорий Богослов. Письмо 49. К Василию Великому // Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 2. С. 449.

⁹² См.: Свт. Григорий Богослов. Стихотворение, в котором святой Григорий пересказывает жизнь свою // Там же. С. 206.

⁹³ Свт. Григорий Богослов. Письмо 48. К Василию Великому // Там же. С. 448.

⁹⁴ См.: Свт. Григорий Богослов. Письмо 50. К Василию Великому // Там же. С. 450.

⁹⁵ Ср.: Свт. Григорий Богослов. Стихотворение, в котором святой Григорий пересказывает жизнь свою // Там же. С. 206.

⁹⁶ Свт. Григорий Богослов. Слова 16 и 17 // Там же. Т. 1. С. 208–222.

⁹⁷ См.: Свт. Григорий Богослов. Слова 16 и 17 // Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 1. С. 206.

остался еще в Назианзе, но имел попечение о церкви Назианзской, как человек сторонний о церкви чужой. Между тем вскоре с ним приключилась болезнь, и для излечения от нее он отправился в Тиану. Пока он жил в Тиане, некто Юлиан, товарищ и приятель Григория по школе, получил от начальства повеление произвести народную перепись. Узнав об этом, Григорий, при всей своей болезни, в непродолжительном времени написал Юлиану из Тианы одно за другим три письма. В каждом из этих писем он просил и убеждал Юлиана быть человеком любивым при обложении налогами жителей Назианза и особенно убеждал освободить от переписи нищих, клириков и монахов. Как скоро Григорий возвратился из Тианы, многие настоятельно просили у него Слова, как долга, и притом обещали полное покорение его наставлениям, почему он сказал Слово о возможном для всех благоугождении Богу различными добродетелями и в этом Слове не раз обращался к Юлиану, вновь прося его освободить от податей нищих, клириков и монахов⁹⁸. Как долго лечился св. Григорий в Тиане, неизвестно. Но во все это время епископы, которых просил Григорий об избрании преемника его отцу, вовсе не думали об исполнении его просьбы. Это его крайне огорчило, и он, нимало не дожидаясь посвящения нового епископа, тайно ушел из Назианза в Селевкию, в монастырь св. Феклы, и провел здесь около четырех лет. Вскоре по удалении в Селевкию св. Григорий получил здесь известие об изгнании Григория Нисского из его епархии арианами; здесь же услышал чрез несколько времени и о смерти Василия Великого⁹⁹. Эти известия и собственная болезнь исполнили его сердце столь глубокой скорбью, что он и сам ждал себе смерти как единственного утешения. Это видно из письма его к ритору Евдоксию; здесь между прочим читаем: «Наши дела крайне горьки. Не стало у меня Василия, не стало и Кесария, не стало и духовного, и плотского брата; отец и мать оставили меня. Телом я болен, старость над головой, забот скопилось куча, дела задавили, в друзьях нет верности, церкви без пастырей, доброе гибнет, злое наружи; надо плыть ночью, нигде не светят путевказательные огни. Христос спит. Что мне надобно претерпеть? Одно для меня избавление от зол – смерть, но и тамошнее страшно, если гадать по здешнему»¹⁰⁰.

Глава IV

Состояние церкви Константинопольской. – Восстановление в ней Православия Григорием. – Терпеливое перенесение им оскорблений со стороны ариан. – Коварство Максима Циника. – Напрасная попытка Григория оставить Константинополь. – Прибытие сюда императора Феодосия и отнятие у ариан главного храма. – Покушение на жизнь Григория. – Утверждение его в звании архиепископа Константинопольского. – Взгляд его на церковное имущество, растраченное арианами. – Голос Григория в пользу Павлина Антиохийского. – Отречение от Константинопольской кафедры. – Прощальное слово. – Свидетельство Григория о своей деятельности и образе жизни в Константинополе

К концу четырехлетней жизни Григория в селевкийском монастыре его посетили несколько константинопольских христиан и многие из епископов. Те и другие убедительно просили Григория явиться в Константинополь для защиты Православия. Нельзя было не тронуться жалким положением христиан константинопольских. В новой столице империи сорок лет господствовало арианство (со времен Македония). Сюда стекались сокровища торговли,

⁹⁸ См.: Свт. Григорий Богослов. Слово 19 // Там же. С. 246–253.

⁹⁹ Это произошло в 379 г.

¹⁰⁰ Свт. Григорий Богослов. Письмо 80. К Евдоксию ритору // Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 2. С. 470.

здесь поселялись люди ученые, здесь начинало образовываться законодательство вкуса и мнений для всего Востока, поэтому утвердившиеся в Константинополе ариане имели очень много средств к распространению своего лжеучения и в отдаленных окрестностях, тем более что здесь были самые искусные в диалектике арианские софисты. Кроме того, в столице было много и македониан, и новациан, и аполлинаристов, православных же так мало, что все они могли поместиться в одном частном доме, который был их молельней. Борьба с арианскими софистами не могла казаться затруднительной для Григория. Впрочем, Григорий сам признается, что, несмотря на знаменательные сновидения, не по доброй воле, но насильно увлеченный другими¹⁰¹, решился он идти в шумную столицу для защиты учения о Святой Троице.

По прибытии в Константинополь (в 379 году) Григорий поселился у своих родственников, вероятно Никобула и Алипианы. Их благочестивый, боголюбивый и на все щедрый дом был для него, по его словам, тем же, чем дом сонмитянки для Елисея (см. 4 Цар. 4)¹⁰². Здесь-то сначала в простых беседах раскрывал Григорий православным учение о Святой Троице, разрешал ходячие возражения ариан и предостерегал православных от бесполезных споров с еретиками на площадях и рынках. Вскоре число посетителей стало более и более увеличиваться; тогда Григорий обратил дом своих родственников в церковь, назвал ее Анастасией¹⁰³ и уже с церковной кафедры стал опровергать еретическое учение. Скоро узнали обо всем этом и ариане и тщательно начали наблюдать за его словами и образом жизни. После тайных насмешек над Григорием решились на открытое гонение, возмущали против него народ и побуждали чернь к своевольной расправе. Демофил, арианский епископ, и подчиненные ему священники внушали простонародью, что Григорий – учитель многобожия, и город пришел в сильное волнение; нашлись даже люди, которые из угождения Демофилу не убоялись бросать камнями в Григория, когда видели его проходящим по улице. Потом они повлекли Григория, как убийцу, к таким правителям города, у которых был один закон – домогаться народной к себе благосклонности. Но как-то неизвестным образом Христос (по словам Григория) помог защитительному слову подсудимого и даже прославил его на суде пристрастных судей¹⁰⁴.

Испытав неожиданное содействие Божие, Григорий с твердостью продолжал начатое дело, тем более что люди, дорожившие истинной верой, показывали всевозможные признаки совершенного внимания к его поучениям. В тесном храме Анастасии народ волнами устремлялся к решетке, которая была самым ближайшим местом к кафедре проповедника. Скорописцы со всем усердием спешили записать все, что вылетало из уст Григория. Все это, говорил сам Григорий, достаточно убеждало его в том, что православные имели к нему такое же влечение, какое имеет железо к магниту, и подкрепляло надежду на благодатное содействие успеху проповедания. Слава о подвигах Григория, о его борьбе с еретиками далеко распространилась и за пределы Константинополя. Блаженный Иероним из пустыни сирийской спешил в Константинополь единственно для того, чтобы послушать защитника Православия. Святой Петр, архиепископ Александрийский, заслуживший славу исповедника, прислал Григорию письмо, которое могло служить также немалым для него ободрением. При этом хотя и повторялись нападения и оскорбления со стороны еретиков, но терпеливое перенесение их еще более умножало расположение к защитнику Православия. Так, однажды Григорий вынужден был прекратить тайнодействие¹⁰⁵, потому что в храм ворвались арианские монахи и нищие и начали метать в Григория камнями в то самое время, когда он совершал Таинство. В силу изданного около

¹⁰¹ См.: *Свт. Григорий Богослов*. Стихотворение, в котором святой Григорий пересказывает жизнь свою // *Свт. Григорий Богослов*. Творения. Т. 2. С. 208.

¹⁰² См.: *Свт. Григорий Богослов*. Слово 26 // Там же. Т. 1. С. 325.

¹⁰³ «Анастасия» в переводе с греческого означает «воскресение». – *Ред.*

¹⁰⁴ См.: *Свт. Григорий Богослов*. Стихотворение, в котором святой Григорий пересказывает жизнь свою // *Свт. Григорий Богослов*. Творения. Т. 2. С. 209.

¹⁰⁵ См.: *Свт. Григорий Богослов*. Письмо 77. К Феодору, епископу Тианскому // Там же. С. 466.

сего времени указа императора Феодосия¹⁰⁶ можно было с твердой надеждой искать правосудия против еретического самоволия, но, несмотря на это, святитель почитал лучшим отклонять от себя столь буйные нападения еретиков подвигами великодушия. Правда, что такое миролюбивое обращение с еретиками подвергалось нареканию епископов, но только тех, которые незнакомы были с ходом дел в столице арианства. Для вразумления таких Григорий писал: «Случившееся бедственно и верх бедствий... но, конечно, лучше быть великодушным и показывать пример великодушия, ибо простой народ не столько убеждается словом, сколько делом — этим безмолвным увещанием. Важным почитаю наказать тех, которые нас обидели, потому что это полезно к исправлению других; но гораздо выше и божественнее сего терпеливо перенести обиду. Первое заграждает уста пороку, а второе убеждает стать добрыми, а это гораздо лучше и совершеннее, чем не быть только злыми»¹⁰⁷. И действительно, в этом же письме Григорий говорит, что оскорбители его уже возымели в нем нужду и уже достаточно приведены в чувство. В это же время произнесены и те пять Слов о богословии, за которые Церковь почитала Григория именем Богослова¹⁰⁸.

При виде столь великого влияния проповедей Григория на жителей Константинополя большая часть православных желали предоставить Григорию архиепископскую кафедру. Но в числе приближенных Григория был один самый негодный человек¹⁰⁹, из самых хитрых честолюбцев. Он жил со св. Григорием под одной кровлей, вкушал с ним пищу за одной трапезой, разделял его мнения и предположения и хотя изгнан был из своего отечества за срамные дела, но уверял, что терпел сие ради Бога. Григорий, обманутый видом строгого благочестия и белой одеждой цинической школы, почтил этого чужестранца даже похвальным Словом¹¹⁰ и отдавал

¹⁰⁶ Феодосии I (около 346–395) – римский император с 379 г. – *Ред.*

¹⁰⁷ *Свт. Григорий Богослов. Письмо 77. К Феодору, епископу Тианскому // Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 2. С. 466.*

¹⁰⁸ Во многих своих беседах св. Григорий излагал догматическое учение и опровергал заблуждения современных ему еретиков, но с древних времен особенной славой пользовались сии пять его Слов о богословии против евномиян и духоворцев (см.: *Свт. Григорий Богослов. Слова 27–31 // Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 1. С. 327–391*). В них с возможной простотой и ясностью определяются свойства христианского богословия и излагается учение о Святой Троице с опровержением благовиднейших возражений против сего учения. В то время как св. Григорий восстанавливал Православие в Константинополе, [известный еретик-арианин] Евномий жил в предместье Константинополя, Халкидоне, и привлекал к себе великое число посетителей. Последователи его, по словам Григория Богослова, пользовались всяким случаем для распространения своего лжеучения; всякая площадь оглашалась их речами, на всяком пириестве наводили скуку, при всяком сетовании искали утешения в предложении богословских вопросов и во всяком женском тереме нарушали спокойствие поспешностью в слове. При встречах с ними и православные стыдились уклоняться от рассуждения о предметах веры. При этом случалось, что многие слишком поспешно называли друг друга и святыми, и безбожниками, и раскольниками, и еретиками (см.: *Свт. Григорий Богослов. Слово 27 // Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 1. С. 331*). А потому св. Григорий в первом Слове о богословии прежде всего восстает против страсти к спорам, жалуется на то, что все и сами хотят быть богословами, и в других не больше как в один день вдохнуть богословскую ученость. После этих обличений св. Григорий предлагает и правила, когда и с кем можно вступать в собеседование о Боге. Кто читал внимательно четыре Слова св. Афанасия против ариан, а также книгу Василия Великого о Святом Духе и его же пять книг против Евномия, конечно, согласится, что в сих Словах Григория нового или, как говорят, оригинального сказано слишком мало. Здесь решаются обычные арианские возражения, и решаются большей частью так же, как решали св. Афанасий и Василий Великий. Таким образом, весьма несправедливы те писатели, которые утверждают, что св. Григорий Богослов оригинален в каждом слове и в каждой строке. Если эту оригинальность прилагают только к изложению и расположению мыслей, то с этим нужно согласиться. Все Слова Григория носят в себе ясные следы такой строгой отделки в языке и в расположении, какой нельзя найти ни у Василия Великого в книгах против Евномия, ни у св. Афанасия; но содержание всех этих сочинений, за исключением «Слова о богословии», и даже раскрытие сего содержания представляют много сходного. Этого надлежало ожидать и потому, между прочим, что книги Василия против Евномия и о Святом Духе св. Григорий читал еще до отправления в Константинополь. Так говорим потому, что в похвальном Слове Василию, говоренном тотчас по возвращении из Константинополя, Григорий Богослов обо всех сочинениях Василия отзывался как о весьма известных ему творениях, и притом таких, которые и для него, при размышлении о предметах веры, служили руководством и пособием. Но само собой разумеется, что отрицать оригинальность Григория Богослова, приписываемую ему неосмотрительными панегиристами, вовсе не значит посягать на значение его как вселенского учителя. В деле веры, в догматическом учении все отцы Церкви заботились не об оригинальности, а о соблюдении и уяснении точного апостольского учения, преемственно передаваемого от одних другим.

¹⁰⁹ См.: *Свт. Григорий Богослов. Стихотворение, в котором святой Григорий пересказывает жизнь свою // Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 2. С. 211.*

¹¹⁰ *Свт. Григорий Богослов. Слово 25 // Там же. Т. 1. С. 304–316.*

ему первенство в почестях и в сопрестолнии пресвитеров¹¹¹. Между тем этот циник нашел себе приверженцев в клире константинопольском, подкупил семь пришельцев из Египта и некоторых епископов; последние решились тайно посвятить его в епископа Константинопольского, не испросив на то ни у кого никакого согласия. Из храма, где начато было исполнение богопротивного замысла, вскоре эта толпа нечестивцев была выгнана не только православными клириками, но и людьми сомнительной веры, а потому посвящение было dokonчено уже в доме какого-то свирельщика. Весь город скорбел об этом происшествии, все были смущены наглой дерзостью Максима, но были и такие люди, которые готовы были поставить в вину Григорию его непредусмотрительность и из этого случая заключать вообще о его неспособности отличать добрых людей от порочных¹¹². Кроме сего, Григорий узнал, что враги его, ариане, почитали происшедшее разделением низложением самого учения, и он немедленно решился возвратиться в свое уединение. Но друзья Григория, внимательные к состоянию его духа, вскоре заметили в нем желание тайно оставить Константинополь. Чтобы воспрепятствовать исполнению сего намерения, они составили около него неприметную стражу, охраняя все его движения, выходы и возвращения. Что опасение их было основательно, в этом вскоре уверили события. В последней беседе от скорби отеческого сердца он произнес такие прощальные выражения: «Блюдите Всецелую Троицу, как предал вам, возлюбленным чадам, самый щедрый отец, помните, любезнейшие, и мои труды»¹¹³. Легко было понять, к чему клонится речь, и слушатели, как рой пчел, выгнанный дымом из улья, вдруг поднялись и оглушили криком место собрания, все закипели гневом на врагов Православия и любовью к пастырю и, чтобы достигнуть желаемого, прибегли к сильным заклинаниям и молениям; они стали просить Григория не о принятии на себя бремени пастыреначальничества, но о том, чтобы он только остался у них, помогал им и не предавал паствы на расхищение волкам.

Такое выражение приверженности сделало Григория безгласным. Он почувствовал в себе какое-то омрачение, не в состоянии был ни остановить шума, ни обещать того, о чем просили; но и в своем продолжении зрелище становилось еще умильнее. Женщины в страхе напрягали голос, дети плакали, всякий клялся, что не отступится от своих домогательств, хотя бы храм сделался для него прекрасным гробом, не отступится до тех пор, пока не исторгнет у любимого учителя веры одного желанного слова. Нашелся один человек, который умел подействовать на Григория одной сильной фразой, именно, он сказал ему: «Ты вместе с собой изводишь и Троицу». После сего Григорий Богослов дал слово остаться в Константинополе, но только на время, пока не придут некоторые ожидаемые епископы. Это успокоило народ; после сего все, хотя с трудом, разошлись по домам¹¹⁴.

Дав слово остаться в Константинополе, св. Григорий продолжал по-прежнему своими беседами утверждать в вере почитателей Троицы. «Приявшие на себя узы догматов, – говорит сам святитель, – когда увидели, чему я подвергся, возлюбили меня еще крепче. Одних приводила ко мне проповедуемая Троица, а в иных было уважение к моим словам; другие же притекали ко мне как к терпеливому подвижнику. Иным приятно было видеть меня как дело собственных рук. Но и из разнородных еретиков трудно было отыскать столь упорного, который бы не склонял слуха к моим словам. Одних пленяла сила учения, других делал кроткими образ выражения. Без вражды, не столько с укором, сколько с сердоболием вел я речь, сетовал, а не поражал и не превозносился, как другие, скоротечным и непостоянным временем»¹¹⁵.

¹¹¹ См.: *Свт. Григорий Богослов*. Стихотворение, в котором святой Григорий пересказывает жизнь свою // Там же. Т. 2. С. 212.

¹¹² См.: *Свт. Григорий Богослов*. Стихотворение, в котором святой Григорий пересказывает жизнь свою // *Свт. Григорий Богослов*. Творения. Т. 2. С. 214.

¹¹³ Там же. С. 216.

¹¹⁴ См.: Там же. С. 217.

¹¹⁵ Ср.: Там же.

Между тем обстоятельства, по-видимому, благоприятствовали исполнению народного желания видеть Григория архиепископом Константинопольским не на краткое только время, но на всю его жизнь. 24 ноября 380 года прибыл сюда сам император Феодосий и обещал немедленно передать православным главный константинопольский храм, а Григорию при первом свидании показал такую почтительность и так благосклонно говорил с ним, что последний ощутил трепетание удовольствия. Это тем замечательнее, что он не дорожил почтительными приемами самодержца. «Слишком было бы стыдно, – писал он впоследствии, – если бы подумали, что такие вещи дорого ценю и я...»¹¹⁶

Обещание государя казалось невероятным. Ариане всеми силами готовились удержать за собой великолепный храм, но в назначенное время действительно последовало исполнение. В то же время, пока еще у всех живо было радостное впечатление, произведенное славословием Бога в великолепном храме, все обратилось с просьбой к государю о назначении архиепископом Константинопольским Григория – как восстановителя Православия. Таково было требование и чиновных, и простолюдинов. О сем вопияли и женщины, почти забыв, чего требует от них благоприличие. Все оглашалось какими-то невероятными раскатами грома. Но Григорий очень далек был от мысли воспользоваться подобными обстоятельствами для утверждения за собой кафедры. У него от смущения и страха не стало силы в голосе, он велел встать одному из пресвитеров и его устами проговорил следующие речи: «Удержите ваши крики, теперь время благодарению, после займемся и делами»¹¹⁷. Таким образом, через эти немногие слова еще на несколько дней он искусно уклонился от нежелаемой им архиепископской кафедры.

После этого торжества православных еретики, по выражению Григория, прекратили свои грозные рыкания на него, но тайные злоумышления против него все еще не прекращались. Так, однажды, когда Григорий был болен и оставался дома, между несколькими простолюдинами пришел к нему бледный молодой человек, с всклокоченными волосами, в печальной одежде, припал к ногам Григория, плакал, рыдал, ломал себе руки, но на все вопросы не мог отвечать ни одного слова. Только от других Григорий узнал, что этот человек, мучимый совестью, приходил просить себе прощения за преднамеренное посягательство на его жизнь. Тронутый ясными признаками раскаяния, Григорий со своей стороны только посоветовал своему врагу благодарить Бога за предохранение от кровопролития. Чем и как остановлен был этот молодой человек в своем злобном намерении лишить Григория жизни, неизвестно. Только это событие вскоре разнеслось по городу стоустой молвой и убедило всех, что Григорий находится под особенным Божиим покровом.

Вскоре после сего, по желанию народа, Григорий назначен был архиепископом Константинопольским самим императором. И теперь сопротивление его сему назначению было столь сильно¹¹⁸, что до крайности огорчало некоторых даже из самых ревностных его почитателей. Впрочем, хотя и против воли назначен был архиепископом, Григорий всей душой предался заботам епархиального управления. «...Я заботился, – говорит он сам, – о нищих и монахах, о девах, служащих при храме, о странниках, о прохожих, об узниках, о псалмопениях, о всенощных бдениях, о мужах и женах... и обо всем, что веселит Самого Бога, когда совершается благочинно»¹¹⁹.

Противники Григория распустили было слух, что у нового архиепископа неостанет народа для наполнения одних притворов дарованного храма, но при частом проповедании слова Божия Григорий имел утешение видеть полным народом не один только константинопольский храм, но даже несколько храмов. Только распоряжение касательно церковного имуще-

¹¹⁶ Там же. С. 221.

¹¹⁷ См.: *Свт. Григорий Богослов*. Стихотворение, в котором святой Григорий пересказывает жизнь свою // *Свт. Григорий Богослов*. Творения. Т. 2. С. 222.

¹¹⁸ См.: *Свт. Григорий Богослов*. Слово 26 // Там же. Т. 1. С. 324.

¹¹⁹ *Свт. Григорий Богослов*. Стихотворение, в котором святой Григорий пересказывает жизнь свою // Там же. Т. 2. С. 225.

ства не нравилось большей части клира и народа, но Григорий уверяет, что при этом имел в виду возвысить святую веру и ее таинства. Вот в чем состояло это распоряжение. Главный храм константинопольский, полученный в управление от ариан, прежде был известен огромными богатствами и многими драгоценностями; но Григорий, по занятии архиепископского престола, не нашел никакого отчета в этом ни в записях прежних предстоятелей, ни у экономов. При этом иные не только советовали, но и принуждали произвести проверку церковных доходов и имущества, но святитель не стал входить в разыскание, главным образом из опасения, чтобы не послужило это к оскорблению таинства. А для отражения порицаний за этот поступок Григорий писал: «Кто выше пристрастия к богатству, тот весьма одобрит меня за это. Если же во всяком случае худа ненасытность, то еще хуже быть ненасытным духовному. Если бы все так рассуждали о деньгах, то никогда не было бы такого беспорядка в Церквах»¹²⁰.

Между тем враги Григория не преминули распространить молву, будто он домогался Константинопольского престола, и довести ее до слуха Григориева. Для обличения их св. Григорий в присутствии царя произнес Слово, в котором неопровержимо доказал неверность распространенных толков¹²¹.

В 381 году состоялся в Константинополе Второй Вселенский Собор под председательством Мелетия, Антиохийского архиепископа. Отцы Собора утвердили за Григорием кафедру, предоставленную ему народом и императором. Это утверждение подействовало весьма успокоительно на Григория и даже немало его обрадовало. «...В мечтаниях суетного сердца, – говорил он после, – предполагал я, что, как скоро приобрету могущество этого престола... тотчас приведу в согласие... отдалившихся друг от друга»¹²². Сколь ни естественна подобная надежда при самом глубоком смирении, но она не оправдалась, как бы для уверения его в том, что и малейшая самонадеянность неужодна Богу; Григорий вскоре усмотрел, что и в таком святом деле, как соборные совещания епископов, трудно примирить разногласящих. Смерть Мелетия породила чрезвычайные споры о том, кому быть его преемником, тогда как этот вопрос не требовал и совещаний, потому что у Мелетия был достойный его совместник, Павлин, только потому не пользовавшийся уважением восточных епископов, что был избран на Антиохийский престол западными епископами. После многих совещаний по поводу этого вопроса Григорий с твердостью человека, убежденного в истине, сказал отцам Собора: «Мне кажется, друзья, что не все вы равно постигаете дело. Пока находился в живых Мелетий, извинительно еще было несколько и оскорбить западных епископов. Теперь же примите мое предложение – благоразумное, превышающее мудрость юных. Престол пусть будет предоставлен во власть тому, кто владеет им, то есть Павлину. Это будет единственным прекращением неурядиц. Пусть западные победят нас в малом, чтобы самим нам одержать важнейшую победу – быть спасенными для Бога и спасти мир». Так говорил Григорий, но прочие епископы кричали каждый свое; по словам Григория, «это было то же, что стадо галок, собравшееся в одну кучу; буйная толпа молодых людей, общая рабочая, вихрь, клубом поднимающий пыль, и бушевание ветров. Вступать в совещание с такими людьми не пожелал бы никто из имеющих страх Божий и уважение к епископскому престолу. Они походили на ос, которые мечутся туда и сюда и вдруг всякому бросаются прямо в лицо»¹²³. «Немного спустя прибыли еще на собор епископы египетские и македонские. Те и другие сошлись между собой, как вепри, остря друг на друга свирепые зубы и искошая огненные очи»¹²⁴. Они сочли самое утверждение Григория на Константино-

¹²⁰ Ср.: Там же. С. 224.

¹²¹ *Свт. Григорий Богослов. Слово 36 // Там же. Т. 1. С. 425–431.*

¹²² *Свт. Григорий Богослов. Стихотворение, в котором святой Григорий пересказывает жизнь свою // Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 2. С. 225.*

¹²³ *Свт. Григорий Богослов. Слово 36 // Там же. Т. 1. С. 425–431.*

¹²⁴ Ср.: *Свт. Григорий Богослов. Стихотворение, в котором святой Григорий пересказывает жизнь свою // Там же. Т. 2. С. 231.*

польском престоле несообразным с законами, так как он рукоположен в епископа Сасимского. Как скоро наметнули на это, Григорий с радостью ухватился за предлог к оставлению кафедры и, здесь-то высказав общеизвестное сравнение себя с пророком Ионой, добровольно и решительно отказался от престола. Тотчас же после того он отправился к императору и просил дозволения навсегда оставить Константинополь, чтобы не быть предметом зависти других епископов. Царь в присутствии некоторых сановников с рукоплесканием выслушал последнюю речь Григория, однако же с трудом согласился на его просьбу. Еще труднее было убедить народ, чтобы приняли это равнодушно¹²⁵.

И прежде много было пролито слез о Григории, много высказано было громких восклицаний, жалоб, заклинаний, когда он, по случаю противоречий об Антиохийской кафедре, перестал являться на соборные совещания и объявил желание вести жизнь пустынную¹²⁶; и тогда еще многие говорили: «Уважь труды свои, какими изнурял себя, и останок дыхания своего отдай нам и Богу. Пусть этот храм препроводит тебя из сей жизни». Теперь же еще более можно было ожидать слез, просьб и заклинаний; это потому, что, когда Собор изъявил беспрекословное согласие на увольнение его из Константинополя, многие из епископов, как скоро узнали о решении Собора, потекли вон, как стрелы молнии, затыкали себе уши, всплескивали руками и не хотели даже и видеть, чтобы другой возведен был на престол Константинопольский. При таких обстоятельствах нужно было употреблять ласки, похвалы и рукоплескания людям злонамеренным, чтобы народ не питал к ним гнева, и Григорий позволил себе то из опасения народного возмущения¹²⁷. Для большего же утешения своих чад по вере св. Григорий в присутствии ста пятидесяти епископов сказал самую трогательную прощальную беседу к константинопольской пастве¹²⁸. В этой беседе он предавал свое дело суду архипастырей, указал, сколько позволяло смирение, на свои труды для блага Церкви, на слабость своих телесных сил, которые требовали успокоения, объяснил необходимость тех своих действий, которые подвергались пересудам, и повторил сущность проповеданного им здесь учения; в заключение просил отпустить его с молитвами, а на его место избрать такого, который был бы из числа возбуждающих зависть, а не сожаление, из числа не всякому во всем уступающих, но умеющих в ином случае и воспротивиться для большего блага. После этой беседы он вскоре удалился из Константинополя.

И в стихотворении о своей жизни и в некоторых Словах, говоренных в Константинополе, Григорий имел случай довольно яркими чертами изобразить образ своей двухлетней жизни в Константинополе. Чтобы вернее можно было судить об обстоятельствах, благоприятствовавших восстановлению Православия в столице арианства, для сего здесь не только уместно, но и необходимо сделать извлечения из сих сочинений. Вот что сам Григорий говорит о том, что он сделал для Константинополя и какие употреблял для сего средства. «Некогда паства сия была мала и несовершенна, без порядка, без надзора, без точных пределов... Но теперь, кто бы ни был ценителем слов моих, виждь Собор, пресвитеров, украшенных сединой и мудростью, благочиние диаконов, недалеких от того же духа, скромность чтецов, любовь к учению в народе. Посмотри на мужей и жен – все равночестны в добродетели; и из мужей посмотри на любомудрых и простых – все умудрены в божественном; начальников и подчиненных, здесь все прекрасно управляются; на воинов и на благородных, на ученых и любителей учености; все воинствуют для Бога, все в подлинном смысле учены, все служители истинного слова. Иные из них – дело моих слов, порождение и плод моего духа, и я очень уверен, что сие засвидетельствуют признательные из вас или что даже все вы засвидетельствуете это. Смотрите: языки

¹²⁵ См.: Там же. С. 233.

¹²⁶ См.: Там же. С. 231.

¹²⁷ См.: Там же. С. 233.

¹²⁸ *Свт. Григорий Богослов. Слово 42* // Там же. Т. 1. С. 496–509.

противников стали кротки и вооружившиеся против Божества безмолвствуют предо мною. И это плоды Духа, и это плоды моего делания. Ибо учу не как неученый, не поражаю противников укори́знами, но воинствование свое за Христа доказываю тем, что сражаюсь, подражая Христу, Который смирен и кроток»¹²⁹

¹²⁹ Ср.: *Свт. Григорий Богослов. Слово 42 // Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 1.С. 501.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.